

ПЕЧАТЬ АВАИМА

ЗАБЫТЫЙ ВО МРАКЕ



Анастасия Якушева

Анастасия Якушева

**Печать Аваима.
Забытый во Мраке**

«Автор»

2023

Якушева А.

Печать Аваима. Забытый во Мраке / А. Якушева — «Автор»,
2023

В королевстве, где люди поклоняются пресветлой и всемогущей Богине Света, а Тьма проклинается и овеяна страхом, странствует одинокий лекарь, разыскивая крупницы древних легенд и забытой правды о низвергнутом когда-то Боге Тьмы. Однажды он спасает от толпы юношу с Меткой Тьмы на коже, и вместе они решаются пересечь степи и горы для поиска одной из разгадок - древнего артефакта. В пути им встретятся жестокие воины степей, и хитроумные жители страны за горами, и таинственные орки с их загадочной магией, а разгадка все маячит впереди, и путь к ней нелегок. Кто же этот Забытый во Мраке, отметивший их жизни?

© Якушева А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анастасия Якушева

Печать Аваима. Забытый во Мраке

Глава 1

Тамаш – Эрнальд, знакомство

Дорога плавно повернула, и густое полотно дубравы распахнулось навстречу ухоженной вырубке, упирившейся дальним концом в городскую стену. Серая, прогретая солнцем земля исходила теплом и запахом пыли. В тени деревьев, у самой кромки леса, застыла одинокая худая фигура. Мужчина постоял, оглядывая утопанные колеи, поправил небольшую сумку, отряхнул пыль с черного подола и зашагал в сторону города.

Вскоре его обогнал крестьянин с возком кур.

– Уважаемый! – окликнул его незнакомец, и крестьянин неохотно остановился, – не подскажете, есть ли здесь постоялый двор?

Мужик недовольно почесал бороду, раздосадованный остановкой, но осекся, разглядев одеяние.

– Как же жь нетуть, ваш лекарство? Обязательно есть! Тудава курей вот везу, – он гордо указал на пеструшек, – а так это вы, стало быть, в город... ну, дык... это... завтра у головы нашего праздник: дочка евона, Мальтиша, замуж выходить.

– Не подскажешь, милейший, как пройти к этому заведению?

– Дак как же не подскажу? Вот прямо и идите, там-то он и стоит, – крестьянин запнулся и опять запустил пятерню в бороду, – да только не столуютъ они сегодня, ваш лекарство. Праздник-та завтра.

– Есть у кого на постой спроситься?

– Дак вы Сесилю спросите, вдову Нигелеву! Она давеча пилигримов приютила. Да и пиво ейное попробуйте – со всего города за ним ходют. Ой, – спохватился крестьянин – бывайте, ваше лекарство, спешить мне надо, – и прикрикнув на ослика, засеменял дальше.

Лекарь проводил его задумчивым взглядом и пошел следом.

Возле города он с удивлением разглядел, что зеленая поросль, которую он сначала принял за дикий кустарник, оказалась ухоженными садами, разбитыми прямо под городскими стенами, а сама стена была вовсе не единой, а состояла из притертых друг к другу фасадов – разнородных и неровных, с окошками и дверьми, выходившими прямо в сады.

Пройдя ворота, вбитые прямо в стены соседних домов, он оказался на небольшой площади, вымощенной покатыми черными валунами. Внутри каменные дома стояли также плотно, и расходились от площади широкие светлые улицы, которые дальше снова разветвлялись многочисленными проулками и закутками.

Лекарь огляделся, осматривая новое место. Город, как город: шумный, суетливый, немного неряшливый – еще один из многих на его пути. Он выбрал улицу пошире и пошел наугад, с любопытством глядя по сторонам. Строения, удивительно разнообразные, сплетались в диковинный каменный лабиринт, в котором бурлил шумный людской поток и разносился перестук из ремесленных лавок. Выхватив из потока пробежавшего мальчонку-разносчика, лекарь уточнил дорогу и двинулся к северной окраине.

Пройдя с половину небольшого совсем города, он с удивлением отметил, что не встретил ни единого деревянного сруба или хотя бы мансарды, а шум работы ремесленников здесь, далеко от ворот, казался еще сильнее, оглушая отвыкшего от городской суеты путника. Улицы, удаляясь от центра, оставались такими же оживленными, а дома не делались хуже, как это часто

бывает в больших селениях, а лишь несколько мельчали, уступая центральным размерами и отделкой. Дороги, даже самые мелкие, были вымощены все теми же черными валунами.

Лекарь потер переносицу, силясь припомнить название города, выбитое витиеватыми буквами прямо у ворот, но голова гудела от непривычной суеты, и память не могла сложить ускользающие завитушки. Устало вздохнув, он припомнил, что в паре дней пути к северу, вроде, должны быть Черные каменоломни, снабжавшие город камнем, и выбросил назойливую мысль из головы, сосредоточившись на поисках неизвестной Сесилии.

После нескольких неудачных попыток он вышел на правильную улочку, тянущуюся к внешней линии домов. Дом Сесилии стоял в конце этой улицы и внешним фасадом составлял часть городской стены, заметно отличаясь от окружающих его построек внушительными размерами.

Лекарь подошел, поднялся по широким каменным ступеням и постучал в дверь.

Некоторое время ничего не происходило, но затем из глубины дома послышались быстрые уверенные шаги, и дверь внезапно распахнулась, едва не снеся худого лекаря. На пороге застыла недовольная крупная женщина лет сорока: широкая, плотная, со следами муки на румяном, блестящем от пота лице. Одной рукой она держала дверь, а второй подпирала пышный бок. Темные волосы выбились из-под яркого платка и налипли на мясистую розовую шею.

Сесилия раздраженно уставилась на посетителя, но, заметив золотые нити по черному вороту, смягчилась:

– Зачем пожаловали, ваше лекарство? – вежливо, но без радушия поинтересовалась она.

– Люди сказывают, что вы берете на постой.

– Люди много чего сказывают, – строго ответила хозяйка, и добавила уже мягче, – но вам не откажу, хоть и тесновато у меня в праздник.

Она отступила, пропуская его внутрь.

– Благодарю вас, любезная, – лекарь галантно поклонился, – к вашим услугам, если кого подлечить понадобится.

Хозяйка нервно хохотнула:

– Не до хвороб нам нынче. Отдыхайте. Опосля налечитесь.

И она по-домашнему, уверенной рукой подхватила его под локоть и повела широким коридором.

– Как величать-то вас, господин лекарь?

– Всерадетель Тамаш.

Хозяйка удивленно уставилась на гостя. Затем перевела взгляд на тонкую полосу золотых символов, вышитых по вороту балахона, и ахнула, разглядев в золоте другую вышивку – черным по черному слева от тесьмы, слегка поблескивая, в золотой рисунок вплетались две крохотные ладони, державшие черную сферу.

– Большая честь, – почтительно поклонилась она, – располагайтесь, господин всерадетель.

Она вывела лекаря в уютный сад, высаженный прямо под городскими стенами и обнесенный плотным дощатым забором. Под раскидистыми яблонями стояли простые деревянные столы и разномастные стулья, принесенные, как видно, отовсюду, где только нашлись: красивые резные стульчики, грубые табуреты, ящики, длинные лавки и просто широкие доски, перекинутые между колодами. Все стояло вперемешку, но людей было много, и все, казалось, были довольны обстановкой и угощением.

Сесилия усадила гостя на табурет под старой яблоней и решительно направилась к дому, на ходу раздавая указания расторопной ребятне, сновавшей между столами. Тамаш вздохнул и с наслаждением вытянулся. Ноги гудели, голова слегка кружилась, но в тени было прохладно, на столе вкусно пахло едой, а перед ним уже стояла большая кружка холодного темного пива. Тамаш благодарно проводил взглядом шустрюю девчушку, и одним духом осушил половину

кружки, после чего, довольно крякнув, выпил вторую половину и блаженно откинулся к теплому душистому стволу. Девочка-помощница, пробегая, ухватила пустую посуду и через пару минут уже поставила перед ним вторую кружку и большую тарелку мясной похлебки с добрым ломтем свежего хлеба.

Тамаш теперь уже медленно, жмуря глаза от удовольствия, принялся за пиво. Оно и вправду было отличным. Сделав пару глотков, он придвинул тарелку и втянул восхитительный, густой аромат свежеприготовленного мяса. Рот наполнился слюной. И Тамаш принялся за еду, с интересом поглядывая по сторонам.

В саду царило благостное сытое оживление. Дородные, опрятные купцы из небогатых гильдий мирно соседствовали с теми же каменщиками и ремесленниками, такими же благовидными и опрятными. За дальним столиком сидели давешние пилигримы: молчаливая компания в потрепанных серых рясах и с ними худенький паренек в побитой ржой кольчужке – сопровождающий, вероятно. Пилигримы молча ели, а бледный парнишка сидел на перевернутой бочке, грустно понурился головой.

Тамаш доел похлебку и снова принялся за пиво. Когда кружка опустела, он знаком показал девочке, что больше не нужно, и откинулся к яблоне. Желтое послеобеденное солнце теплыми брызгами просеивалось сквозь яблоневую крону и вспыхивало яркими цветными пятнами под закрытыми веками. Тамаша потихоньку сморило сном.

Очнувшись от осторожного потряхивания и с трудом разлепил глаза. Девочка-помощница испуганно заглядывала ему в лицо.

– Вы в порядке, ваш лекарство?

– Все хорошо, задремал с дороги, – Тамаш с трудом сосредоточил взгляд и сам удивился, как это он смог так крепко заснуть.

– Пойдемте, вашество. Мама велела вас в комнату проводить, – девочка потянула его за рукав, и Тамаш послушно поднялся.

Они прошли через сад к дому и поднялись на третий этаж на чердак.

– Мама просила извинять – других комнат нет, – виновато пробормотала девочка, отворяя хлипкую дощатую дверь.

Тамаш осторожно заглянул в небольшую мансарду и с облегчением выдохнул: желтый свет из окошка в крыше теплым прямоугольником расчертил узкую койку, заботливо прикрытую свежей простыней; в углу пухлой стопкой лежали сухие веники из листьев; уютно пахло нагретой соломой и деревом; из сада долетали ароматы еды. Тамаш искренне заверил, что это отличная комната, и девочка, довольная, добавила:

– Матушка велела передать: для вас налита малая купальня. Будете готовы, спускайтесь в сад.

Тамаш удивился, но поблагодарил и отпустил девочку. Обычно это он выпрашивал теплой воды и не всегда успешно, но чтобы хозяин сам предложил искупаться, да еще и в целой купальне... И тут его осенило: каменные дома, каменоломни – да он же в знаменитых Каменных Ключах! Он так увлекся работой, что даже не заметил, как добрался до одного из самых удивительных городов королевства. А дом Сесилии, любезно его приютившей – ничто иное, как городские купальни!

Тамаш скинул сапоги и с наслаждением растянулся на теплой соломе, стараясь припомнить историю края.

Город появился после того, как начали разрабатывать каменоломни – кто-то из отпрысков тогдашнего герцога наткнулся во время охоты на горячие озера, а свита быстро разнесла новость среди рабочего люда. Наиболее предприимчивые быстро смекнули, что теплая вода позволит шлифовать камни даже в зимние месяцы без особых затрат на отопление. И, вместо того чтобы транспортировать глыбы на юг, по-быстрому оборудовали мастерские прямо на

источниках. А вскоре мастерские обросли городскими домами. Но источников оказалось не так уж много, и выходили они в стороне от больших дорог, и городишко так и не разросся, хотя исправно платил налог в казну уже нынешнему герцогу и приносил немалую прибыль своим горожанам.

Тамаш с чувством потянулся, снова сел и натянул сапоги. Выудив из сумки свежую рубаху, он поспешил в сад и его провели в полутемную каменную комнату с круглым окошком под потолком и большой каменной чашей, до краев наполненной чистой водой. В помещении приятно пахло смесью эфирных масел.

– Одежу оставьте. Матушка застернёт.

Тамаш поблагодарил девочку, плотно закрыл дверь и, скинув опостылевшую дорожную одежду, с наслаждением погрузился в блаженное тепло. Прошло немало времени, пока он тщательно вымылся, отскреб посеревшие от пыли ноги, несколько раз напенил и смыл волосы, и все никак не мог поверить, что ему так несказанно повезло! Когда каждый сантиметр кожи покраснел и распарился, он, наконец, вылез и ополоснулся из ведра, заботливо приготовленного в углу. Все в нем разомлело от чистоты и блаженства, и единственное, на что он готов был потратить остаток дня – это сон в свежей постели. И, Виата всемогущая, он точно проспит до завтрашнего обеда! Ничто в этом мире не сможет заставить его передумать.

Перед уходом Тамаш аккуратно сложил грязную рубаху, накинул балахон, прихватил сумку и направился в сад с одной только мыслью о манящей ровной и чистой кровати на чердаке. Но, проходя между столами, вдруг почувствовал непривычную слабость, ноги обмякли, перед глазами заплясали цветные точки, а уши как заложило ватой, и он, наткнувшись на табурет, свалился лицом в траву.

Очнулся Тамаш от внушительных оплеух. В мутной пелене над ним плыло взволнованное, потное лицо Сесилии. Женщина крепко держала его за грудки и что-то быстро причитала на звонком южном наречии. Когда Тамаш попытался увернуться, Сесилия облегченно вздохнула:

– Ох, очнулись! Хвала Виате, заступнице хилых да хворых! Да что ж всех разобрало сегодня на обмороки!

Тамаша быстро усадили на тот самый табурет и вручили кружку воды.

– Прошу простить меня, не стоит беспокойства, – Тамаш смущенно оглядел зевак, – разомлел немного с дороги.

– Ага, – скептически хмыкнула Сесилия, – хилый этот тоже так говорил. Да только я уж навидалась бродяг недокормленных. Разомлел он! Так и уплелся, еле ноги тащил. Ну а вы что? Очухались?

– Уже все в порядке, прошу еще раз простить, – вежливо отмахнулся Тамаш, – так с кем еще нездоровье случилось?

Он уже мысленно попрощался с кроватью – как минимум, перед тем как пойти спать, нужно найти и осмотреть этого хилого, который куда-то уплелся.

Сесилия неопределенно взмахнула крепкой рукой и противно запрочитала:

– Да провожатый этот. С пилигримами который. Сидел-сидел, да так и рухнул лицом в стол. Обормот малолетний. Кольчугу! Да в такую-то жару! Тьфу, полудурок в платочке. Не будь он с божьими странниками – и на порог бы не пустила!

Тамаш слушал в пол-уха, надеясь, что парень окажется обычным бродягой, сомлевающим от пива и сытной еды, и уже мечтая, как вскоре растянется на кровати.

– Я-то его размотала, платочек евоный, засаленый, да водой поплескала, – не унималась хозяйка, – так он еще и меченый какой-то. Тьфу, Виата сохрани! Скорей бы убирался! Аваим его заberi!

Тамаша как молнией ударило – меченый! Все мысли о кровати улетучились в один миг. Осторожно, чтобы не выдавать волнения, он спросил:

– А где этот провожатый сейчас? Я бы хотел его осмотреть.

– Да там он, в амбаре, – она снова взмахнула рукой, – только не ходили б вы. Не марайте руки. Не приведи Виата, и вправду окажется печать Аваимова.

– Виата-заступница не по чинам раздаёт благодати, а всякому, у кого есть нужда, – строго одернул её Тамаш.

– Ох, и то правда! – Сесилия по-девичьи прикрыла рот ладошкой, – простите, ваше лекарство, бабу болтливую! Не со злости я, по скудоумию, богохульство сказала.

– Ладно, вижу, что не со злости, – отмахнулся Тамаш, желая поскорее закончить разговор, и Сесилия благоразумно удалилась, а лекарь направился к амбару.

Притворив дверь, Тамаш оказался в просторном пустом помещении. Внутри было темно и уютно пахло сеном. Когда глаза освоились после яркого солнца, Тамаш оглядел сарай. Сквозь тонкие солнечные лучи сновали мелкие насекомые и, потревоженные, взвихрялись желтые пылинки. На полу виднелись округлые кучки остатков прошлогоднего сена и, почти незаметный в душистом полумраке, между ними скрючился худенький паренек. Почувствовав чужое присутствие, мальчонка заворочался и тяжело затряс головой, разгоняя сон, а заметив посетителя, испуганно подскочил и, шурясь против света, зашарил под сеном. Тамаш примирительно поднял руки:

– Прости, не хотел тебя будить. Хозяйка сказала, что ты захворал, и я зашел посмотреть, если нужна моя помощь.

– Не нужна мне помощь, просто устал, – дернул плечами паренек.

– Я верю, но можно я все-таки посмотрю?

Мальчишка собрался ответить что-то резкое, но разглядев золотое тиснение, передумал. Он неохотно вылез из-под сена и вытянул здоровенный заржавленный меч. К удивлению Тамаша, ростом парнишка оказался почти с него самого, но рядом с худощавым лекарем выглядел сущим заморышем: изможденный, несуразно худой, с запавшими щеками и грязными взлохмаченными волосами. Старая кольчуга косо висела на узких плечах, а из обтрепанной и неподходящей по размеру одежды торчали тощие руки и ноги. Мальчишка поднял на лекаря большие светлые глаза и неуверенно спросил:

– Что надо делать?

– Ничего, просто дай руку.

Парень недоверчиво прищурился, но руку протянул.

Тамаш осторожно взял худенькое запястье и прижал пальцы к основанию ладони. К его облегчению, несостоявшийся вояка не был ни больным, ни умирающим, просто уставший и очень плохо питающийся подросток.

– Ты пришел вместе с пилигримами?

– Да, – буркнул мальчишка.

– Интересно. И давно вы странствуете?

– Послушайте, – пустил петуха паренек, – я просто хочу отдохнуть, пока меня не выгнали из этого амбара! – он выдернул руку, – Если я не умираю, можно мне уже лечь спать?

– Постой, – остановил его Тамаш, – я не просто так сюда пришел!

Мальчишка настороженно замер.

– В саду я кое-что слышал, и это меня встревожило.

Парнишка сжал платок, прикрывавший обтрепанный ворот, и тут же сам себя одернул и по-детски спрятал руку за спину.

– Но меня тревожит не что я слышал, – продолжил Тамаш, – а то, что это могли услышать другие.

Юноша побледнел и вдруг часто задыхался. Метнулся было к выходу, отшатнулся при виде скользнувшей мимо тени, обернулся, обшаривая взглядом помещение, и с отчаянием воззрился на маленькое окошко под самой крышей, нервно переминаясь и теребя платок. Тамаш

осторожно приблизился и деликатно тронул юношу. Тот на мгновение замер и вдруг облегченно выдохнул, сгорбившись и словно бы весь смягчившись. Мышцы его расслабились, дыхание успокоилось, а взгляд прояснился и из затравленного стал просто обеспокоенным.

– Легче? – спросил Тамаш.

Парнишка кивнул.

– Значит, это все-таки правда?

Мальчишка упрямо поджал губы и сердито зыркнул из-под грязных волос.

– Я не тот, кого тебе стоит бояться, – улыбнулся Тамаш и поднял к световому лучу левую руку, одетую в тонкую перчатку с обрезанными пальцами.

Мальчонка вытянул длинную шею. Тамаш развернул ладонь тыльной стороной к свету и оттянул край перчатки, обнажив полоску кожи с вереницей черных символов, выходявших из-под рукава и сбегавших на кисть, скрытую перчаткой.

Мальчишка ахнул.

– Знакомо? – спросил Тамаш.

Юноша нервно сглотнул и ослабил тряпицу на шее: в лохмотьях показалась тощая ключица с вереницей таких же знаков.

– Печать Аваима... – прошептал Тамаш.

Лекарь усадил юношу, назвавшегося Эрнальдом, за отдельный столик, сбитый из высокого табурета и доньшка от пивной бочки, и попросил девочку принести похлебки и кружку молока, а сам направился в глубину сада, где хозяйка что-то выговаривала излишне перебравшему каменщику. Женщина громко тараторила, по-южному раскатывая слова, и возмущенно жестикулировала, но завидев лекаря, присмирела и тревожно оглядела сад, остановив недовольный взгляд на сгорбившемся невдалеке Эрнальде. Тамаш сделал вид, что не заметил, быстро с ней переговорил и скрылся в доме.

Примерно через час, когда юноша начал опасаться, что новый знакомый передумал, лекарь вновь появился, неся в руках пухлый сверток.

– Как тебе угощение? – подмигнул он, присаживаясь к столу.

Эрнальд неуверенно кивнул и, оглянувшись, тихо спросил:

– Зачем я вам нужен?

– У нас с тобой общая проблема, Эрнальд, – ответил лекарь, прихлебывая появившееся на столе пиво, – а мне нужен помощник, чтобы найти ее решение.

– Но почему я? Кто угодно почтет за честь сопровождать наместника богини, – он указал взглядом на маленькую черную вышивку.

– Не скажи, – поцокал Тамаш, – тема деликатная и простых людей вгоняет в богобоязненный ужас... ну, или благочестивую ярость, – он отхлебнул пенный напиток, – в любом случае, ни те, ни другие разбираться в вопросе не будут. Но ты и сам это знаешь.

– Я плохой попутчик, – покачал головой парнишка.

– Ты здравомыслящий попутчик. А это куда важнее.

– С чего вы взяли?

– Ты же до сих пор жив, – улыбнулся Тамаш, – и ты единственный, кого я могу о чем-то расспросить без страха быть обвиненным в колдовстве.

– Нечего расспрашивать, – грустно пожал плечами юноша, – я сам ничего не знаю.

– В том-то и дело, – Тамаш взволнованно подался вперед, – ну же, Эрнальд! Неужели тебе не хочется разобраться во всем этом?

– Мне просто хочется, чтобы этого не было!

– Но ведь, чтобы понять, как от этого избавиться, надо сначала разобраться, что это такое, – уточнил лекарь.

– И вы знаете, где искать?

– Я знаю, где точно не надо – в деревенских суевериях и храмовых проповедях.

– Как это?

Тамаш помедлил с ответом.

– Не стоит верить всему, что говорят в храмах. Я собираюсь отправиться к истокам древних легенд, через горы. В Страну Закатов.

Эрнальд удивленно вскинул брови:

– Но через горы больше нет дороги, уже лет тысячу как.

– Не совсем так. Когда-то был путь через Змеиный Перевал. Если судить по старым картам, он разделял Хребет на северную и южную часть и доходил до самой закатной страны.

– Это тот, что выходит одним концом в земли даллов?

– Ого! В сельских школах такого не рассказывают, – Тамаш хитро прищурился.

– Я же северянин, – смутился Эрнальд, – люди разное болтают.

– Как бы там ни было, но ты прав – перевал выходит в земли даллов, и, чтобы туда попасть, надо пройти предгорьями по окраинам их земель.

– Это невозможно, – категорично заявил парень, – ни один нормальный человек не полезет на земли даллов.

– Эрнальд, – спокойно возразил Тамаш, – как долго ты считаешь прятаться от неизбежного? Удача – женщина непостоянная. Рано или поздно каждый из нас встретит свой ручеек с камнем на шее, и никто уже не посмотрит ни на твои, ни даже на мои заслуги. Не лучше ли попытаться изменить судьбу?

Эрнальд медлил с ответом.

– Еду поровну, – добавил Тамаш.

Эрнальд сглотнул, но снова промолчал.

– И горячая ванна.

При этих словах глаза юноши вспыхнули, и, словно не веря своим ушам, он подался вперед и тихо переспросил:

– Ванна?

Тамаш уверенно кивнул:

– Да, прямо сейчас. Я договорился.

Эрнальд покосился на низенькую пристройку с купальнями и тихонько прошептал:

– Виата-благодетельница... Ладно, согласен.

– Я надеялся на это, – с улыбкой ответил Тамаш, – тогда тебе пригодится вот что!

Он ловко перекинул пухлый сверток, и юноша удивленно развернул тряпицы. В руках у него лежали поношенная, но чистая и крепкая рубаха с высоким воротом и грубые домотканые штаны, в которые были завернуты сапоги – тоже поношенные, но вполне приличные и, в отличие от его собственных, целые. Тамаш ободряюще махнул в сторону купален и, довольный, вышел из сада.

Обжигающая вспышка расколола тьму и вырвала меня из небытия. Я слаб и слеп, члены мои беспомощны, а рот нем. Пронзенный светом, я силюсь вернуться обратно в благословенную тьму и забвение, но свет заполняет меня, обжигает и лишает последней воли, а тьма все ускользает, оставляя задыхаться в яростном безумии беспощадных всполохов. Назойливый, нескончаемый и бессмысленный, сияющий водоворот затягивает мой беспомощный дух, свивается кольцами и охватывает своими петлями, оплетая пульсирующими змеями света. О, Свет! Когда же ты стал так жесток!? Я не знаю, сколько это продолжается, тону... задыхаюсь в безжалостных зарницах. Свет настойчив, он давит меня, сжимает все крепче. И вот уже тошнотворный хоровод не дает мне вздохнуть, рот раскрыт в беззвучном вопле, мне нечем дышать, а вокруг разливается бордовый ужас.

Тамаш очнулся, конвульсивно хватая ртом воздух. Липкий холодный пот пропитал соломенный тюфяк, принесенный с вечера. Мысли роились в сознании, потрясенном поразительно реальным кошмаром. Руки слегка подрагивали, а грудную клетку свело болезненным спазмом, будто он действительно только что задыхался в смертельном захвате. Он несколько раз шумно вздохнул, собрал рассыпавшиеся волосы и перетянул ремешком на затылке. На улице было еще темно. Окно, прорезанное прямо в крыше, по хорошей погоде было открыто, а тяжелая рама, затянута бычьим пузырем, лежала здесь же, в глубине, под самым скатом. Тамаш поднялся и, стараясь не разбудить спящего на кровати Эрнальда, встал под окном, ловя ртом прохладный ночной воздух.

Среди привычного ночного шуршания ему вдруг почудились приглушенные голоса. Он привстал на цыпочки, ухватился за край окна и, подтянувшись, высунулся повыше: точно, внизу под стеной дома тихо переговаривались несколько голосов. Он узнал глубокий голос хозяйки, двое других собеседников были неизвестны. Тамаш взволнованно прислушался — разговоры в такой час ничего хорошего не сулят.

Лекарь тихо спрыгнул обратно в комнату и, не дожидаясь продолжения, потряс Эрнальда за плечо. Юноша испуганно подскочил, но лекарь прижал палец к губам и молча кивнул в сторону окна: голосов стало заметно больше. Парень округлил глаза и, затравленно озираясь, бросился к двери, но Тамаш цепко ухватил его за руку и покачал головой. Огромные глаза юноши стали еще больше, рот скривился от страха, он часто задыхался и, казалось, вот-вот рухнет в обморок. Тамаш усадил мальчишку на кровать, всучил сапоги, обулся сам и перекинул через плечо сумку. Когда Эрнальд был готов, лекарь протянул ему кинжал с ножнами, выменянный вечером на старый меч и кольчугу, и встал под окном, жестами показав, чтобы выбирался на крышу. Подсадил его и сам протиснулся следом. Голоса внизу стали тише, а потом и вовсе скрылись в доме. Тамаш осторожно полез вверх по черепице, Эрнальд не отставал. Перебравшись через конек, оба замерли.

Через несколько мгновений они услышали, как заскрипела дверь и несколько человек с грохотом ввалились в каморку, но обнаружив пропажу, бурно выместили досаду на единственной кровати, а голос Сесилии громко запричитал:

– Пресветлая Матерь, заступница наша! – от волнения раскатистый южный акцент стал еще сильнее, – Пропал всерадетель-то! Ох, прибрала его нечестивая Тьма. Сохрани нас Виата-благодетельница!

– Да, можт, пригрезился тебе всерадетель-то? – грубо оборвал ее хриплый мужской голос, – никто, окромя тебя, ни меченного, ни радетеля того не видал.

– Да как же не видали-то? Полный сад был, когда он того, в обморок свалился.

Дружный хохот заглушил голос Сесилии.

– Хорош всерадетель, – отсмеявшись проговорил все тот же хриплый голос, – ладно, Сесилия, завтра пиво поставишь за беспокойство.

– Мужики, – прогнусавил новый голос, – у козлопаса давеча брага поспела. Авось наве-стим?

– Козлопасу, значит, тоже пива поставишь, – просипел первый, – за то, что мы его разбудим. Айда, мужики.

И продолжая язвить, они шумно удалились. Вскоре на улице послышались недовольные голоса, и снова стало тихо.

– Почему они ушли? – одними губами спросил Эрнальд.

– Боятся, – пожал плечами Тамаш, – спящего скрутить – это тебе не гоняться по ночам за проклятыми. К тому же праздник у них сегодня.

– И что теперь делать?

– Спустимся обратно и выйдем потихоньку, – снова пожал плечами лекарь, – никто все равно ей не поверил.

Выждав для верности еще немного, они поднялись до конька и уселись верхом. В это время снизу снова послышался шум, и из окна внезапно заструился теплый свет. Тамаш с Эрнальдом застыли. Снизу забубнил недовольный мужской голос. Затем что-то увесисто стукнуло. Послышался скрежет. И в сопровождении громкого сопения из окна медленно показалась тяжелая дубовая рама. Когда рама перевалилась на черепицу, в проеме показались две руки, поправили раму, притерли ее в глубокий паз и с силой дернули вниз, вгоняя вровень с крышей. После чего звуки затихли, и на крыше воцарилась темнота.

Ночь близилась к концу, усталые звезды тускнели, спеша укрыться в ускользящей темноте, а дыхание рассвета уже ощущалось невесомой пеленой на восточном крае неба. Далеко на северо-западе небо расчертили две упавшие звезды.

– Что теперь? – шепотом спросил Эрнальд.

Тамаш внимательно осмотрелся: в саду, среди раскидистых яблонь, ярдах в трех от дома росла высоченная старая липа. Ее ветви тихонько шуршали по крыше свежей листвой и уже начинали распространять тот особенный сладкий аромат, которым окутывается северный край в начале лета. Но липа стояла слишком далеко, и ветви, нависающие над черепицей, были слишком тонкими, чтобы выдержать взрослого мужчину. Тамаш с сожалением отбросил эту идею и продолжил осматриваться. Соседние дома, куда более низкие, чем внушительный особняк вдовы, были оснащены по углам выступающими трубами. Каждый дом имел водосточный желоб вдоль крыши и выходящую на ярд-полтора от стены водоотводную трубу. Он осмотрел свою крышу и с радостью понял, что и в доме Сесилии позаботились об отведении дождевой воды, а каменные желоба, в которые упиралась черепица, заканчиваются мощными железными трубами, ярда на два, не меньше, отходящими от углов дома с трех сторон, четвертый же угол терялся в густых ветвях липы.

Тамаш махнул рукой и начал спускаться в сторону дерева, где с облегчением обнаружил четвертую трубу. Он ухватился покрепче, перекинул через нее ноги и, повиснув вниз спиной, потихоньку двинулся дальше. Труба неприятно покачивалась, но Тамаш продолжал ползти, пока не оказался у сливного отверстия. Скучный предутренний свет не давал как следует разглядеть, за что можно ухватиться, и Тамаш, покрепче стиснув трубу коленями, отпустил руки и зашарил по сторонам, надеясь поймать сук потолще. Труба нехорошо поскрипывала, мышцы быстро свело от напряжения, а толстые сучья все никак не попадались. Тамаш в отчаянном усилии вытянулся, насколько мог, и наконец ощутил под пальцами крепкий сук. Он облегченно выдохнул и осторожно перебрался на дерево. Отдышавшись, он шепотом велел Эрнальду следовать за ним, но, когда юноша дополз до конца трубы, оказалось, что из-за разницы в росте ему никак не дотянуться до надежной опоры. Тамаш подполз обратно и шепотом скомандовал:

– Держи сумку, я тебя подтяну.

Тамаш ухватился покрепче и перекинул Эрнальду лямку от сумки. Но едва тот поймал ремень, как потерял равновесие и начал сползать.

– Быстрее! Дай руку!

Тамаш рванулся вперед.

Эрнальд схватил лекаря за руку, и в тот же миг ноги его соскользнули. Охнув, он рухнул вниз. Тамаш вцепился в худое запястье. Руку рвануло в плече. Вниз посыпались мелкие ветки. На мгновение все замерло.

– Эрнальд, – позвал лекарь.

Белый, как полотно, Эрнальд, глядел на него снизу вверх. В другой руке парнишка все еще сжимал лямку сумки.

– Перекинь сумку через плечо, и давай мне вторую руку, – распорядился Тамаш Мальчишка медленно выполнил приказ.

– Постарайся найти опору, я не смогу тебя подтянуть.

Тамаш начал потихоньку раскачивать его, и Эрналд нащупал надежную опору. Затем осторожно отпустил одну руку, ухватился за ветки, также осторожно отпустил вторую и, медленно переступая, подобрался к стволу.

В молчании они спустились во двор, где еще несколько часов назад так сытно и радушно их кормила хозяйка.

На земле Тамаш первым делом забрал свою сумку и проверил содержимое, после чего огляделся и приметил за амбаром высокую силосную кучу. Также молча, стараясь держаться в тени, они тихо пробрались к куче. Лекарь подсадил парнишку, помогая перебраться через забор, подтянулся сам и спрыгнул на другой стороне. Перед ними лежал неширокий, шагов в триста, луг, который тянулся вправо, сколько хватало глаз, слева шагов через пятьсот луг упирался в картофельное поле. Впереди за лугом поднималась темная стена деревьев.

– Ну что, доберемся до леса, считай, спасены, – бодро объявил Тамаш, – Побежали! – и он рванул с места.

Рассвет все ярче разгорался на востоке, разгоняя спасительные тени и рассеивая последний туман. Мокрая трава быстро вымочила шерстяные штаны, а за спиной, пробуждая город, громко запели петухи.

Глава 2

Ягори – Вигмар, бегство

Ягори взволнованно меряла шагами тесное помещение. За пыльным стеклом быстро смеркалось, и девушка зажгла масляную лампу, выкрутив фитиль поменьше, чтобы не привлекать внимания. Убогая грязная комнатуха в жидком дрожащем свете казалась еще уродливее: по углам, сгрудились битые бутылки, отблескивая тусклыми боками, и пугающего вида грязные тряпки, густо заляпанные бурым; прогнившие потолочные балки нависали так, что девушке едва хватало места распрямиться; трухлявый пол местами основательно провалился, а под стеной недалеко от входа валялась пара косоногих табуреток. Единственное, что выделялось среди унылого запустения, это плотные желтоватые мешки на широких лямках, выставленные у входа, каждый со своей нашивкой у основания. Ягори остановилась и снова пересчитала мешки, сверяясь с мятой бумажкой. Все было на месте.

Она в который раз посмотрела на маленькие часики, которые носила на поясе, и беспокойно взъерошила короткие волосы: группа задерживалась. Плохо. Остаться здесь дольше необходимого было опасно. Ее задача – договориться об отправке и обеспечить спокойный выход, а проволочки неизбежно привлекут внимание, чего в таких местах определенно стоило избегать.

Ягори еще сильнее прикрутила фитиль, оставив над носиком лишь небольшой желтоватый полумесяц. В это время с улицы слышались осторожные шаги, и около двери чирикнул воробей. Ягори чирикнула в ответ, и в дверь по одному бесшумно вошли пятеро мужчин. Маленькая комнатка уменьшилась еще втрое.

– Вы опоздали, – шепотом строго сказала Ягори.

– Стража, – также шепотом ответил один из мужчин, – гоняли шлюх в порту. Пришлось переждать.

– Ясно. Берите груз – у вас осталось пятнадцать минут. Оплата как обычно: половина сейчас, половина после доставки, – и она передала увесистый кошель, – отправляйтесь.

Мужчины молча разобрали мешки и также бесшумно вышли из помещения. Ягори загасила лампу, выждав пару минут, тоже выскользнула и растворилась в зловонной темноте трущоб Пин-Мин – безобразного нарыва на высокомерном, мраморном лице Бай-Чонга – столицы края закатов Сианг-Джи. Кособокое строение плотно облепили узкий переулочек и громоздились на подступающие взгорья на два, а то и три этажа, местами соприкасаясь крышами через проход. Робкая луна неохотно заглядывала на смердящие помоями и испражнениями улицы. Ягори поудобнее устроила на плече длинное древко и ускорила шаг: трущобные отбросы никому не подчиняются и живут по своим законам – или ты, или тебя, и никакой протекторат тут не поможет.

Никого из крупной рыбы по дороге не встретилось, а голоногая шпана резво отступала в поисках более сговорчивой добычи, стоило им заметить внушительное лезвие над плечом девушки. Постепенно опускаясь к реке, трущобные лачуги сменялись такими же убогими складами. Но когда в воздухе, наконец, запахло водой, а склады приобрели солидный вид, Ягори слегка расслабилась, за что тотчас же поплатилась. За очередным поворотом дорогу ей преградили две невысокие широкоплечие фигуры. Она спокойно остановилась и обернулась – за спиной стояли еще двое. Медленно девушка опустила нагинату и перехватила длинное древко двумя руками.

– Я здесь по поручению дома Чайной Розы, – спокойно сказала она, – дайте пройти.

– Мы знаем, зачем ты здесь, – также спокойно ответил из темноты женский голос, головорезы стояли неподвижно, – твой братец задолжал крупную сумму.

– Я не отвечаю за дела своего брата, – холодно ответила Ягори.

– Боюсь, теперь отвечаешь. Груз, что ты отправила сегодня, мы оставим себе, – не меняя интонации, ответил невидимый голос.

– Это собственность дома Чайной Розы, – Ягори, сохраняя хладнокровие, пыталась сообразить, в какую еще историю вляпался ее братец, – вам не простят кражу.

– Уже простили, – ответила незнакомка, – с Чайной Розой пусть разбирается твой брат. Передай ему, что вторую половину суммы мы ждем через месяц.

Ягори стояла, не зная, что ответить. Мог ли голос говорить правду? Или же это очередная провокация, чтобы подмять их бизнес? Многим не нравилось, какие они ведут дела, но тем же многим очень нравились доходы, которые приносит их маленькое почтовое предприятие. Богатеи за перевалом отдавали целые состояния за безделушки, которые они с братом в обход запрета отправляли из Сианг-Джи – той самой загадочной Страны Закатов, о которой так любят сплетничать за перевалом. А кроме Ягори и ее брата никому не удалось найти безопасный проход через хребет. К тому же, им не только удалось наладить проход в земли Агрия, но и договориться с лесными орками о продаже их бесподобных серебряных украшений и трофейных золотых изделий даллов, которые в силу невероятной редкости пользовались бешеным спросом у знати Сианг-Джи.

Так что, несмотря на большой зуб, который преступная верхушка наточила на их скромные фигуры, никто не решался предпринять серьезные шаги, чтобы выбить их с этого места, хотя многие угрозами или подкупом пытались заполучить долю в почтовых пересылках. Пока никому этого не удавалось.

– Дела Вигмара решайте с ним, я к этому отношения не имею, – отчеканила Ягори, – Надеюсь, вы пошутили насчет товара. Это деньги дома Розы.

– Это деньги дома Розы, которые взял Вигмар. Теперь он за них отвечает, – раздался голос из темноты.

– Неужели вы думаете, Мей-Гу позволит так просто забрать его товары?

– Дорогуша, все знают, что твой брат игрок. А Мей-Гу, как и все, давно мечтает заполучить долю в ваших делишках. Так что или твой братец принесет вторую половину долга, или мы с Чайной Розой вместе уговорим вас поделиться секретами. Всего хорошего, дорогая, – головорезы незаметным движением слились с теньями, словно их никогда и не было, – И, кстати, – снова раздался невидимый голос, – найдите себе новых посыльных, этим нездоровится. Навечно.

Тихая пустынная улица серебрилась в слабом свете луны. Дальше в порту отрывисто перекрикивались грузчики под негромкий плеск реки. Ягори крепко сжимала в руках овальное древко, стоя среди замерших в тишине складов. Надо было срочно увидеться с Вигмаром.

Она быстро шагала по светлым улицам верхнего города. Чистые, утопающие в зелени переулки были ярко освещены, на каждом перекрестке стоял стражник, а маленький ребенок, буде ему такое приспичит, мог в полночь выйти на улицу и без происшествий добраться в соседний квартал. Роскошные особняки стояли свободно, поднимаясь по склону горы в окружении вертикальных садов и великолепных ниспадающих цветников. Город был сильно сжат горами, и поэтому больших поместий здесь не было, но каждый владелец каменистого клочка на крутом склоне желал поразить соседей богатством отделки и изяществом убранства. Каждый дом походил на произведение искусства, старательно обернутое в благоухание и зелень экзотических растений, считавшихся особым шиком среди пресыщенных жителей верхнего города.

Ягори миновала нижние ярусы, где селились богачи попроще, и свернула к реке, которая спускалась через престижные кварталы чередой элегантных, забранных в чаши, прудов, а дальше устремлялась вниз через весь город, где у подножия разливалась широким озером, обростала складами и оттуда степенно проливалась на юго-запад, через всю страну – к соленым

водам Западного моря. По обеим сторонам реки в обрамлении статуй, вазонов и мостиков располагались самые роскошные заведения города. Попасть сюда мог далеко не каждый, а счета за услуги потрясли воображение. Ягори в той же черной стеганой куртке, что и часом ранее, но уже без оружия, уверенно направилась к небольшому беломраморному строению, выходящему узкой верандой на большую чашу с водой, облицованную тем же камнем. С ограждения веранды прямо к воде спускался каскад нежно-фиолетовых цветов с дурманящим сладким ароматом. В воде среди широких круглых листов водяных лилий неспешно плавали большие оранжевые рыбины, поблескивая чешуйчатыми боками в свете фонарей. Из окон, скрытых растениями и выступом фасада, лилась приятная музыка.

Ягори постучала, и чуть повыше лица открылось небольшое смотровое окошко.

– Мой брат здесь? – не здороваясь, спросила она.

– Госпожа, вы же знаете, мы не можем говорить о своих посетителях, – умоляюще ответили через окошко.

– Да. А еще знаю, откуда у вас такие красивые витражи. Не думаю, что их могли произвести в Сианг-Джи. Хотя, возможно, я не права, и стоит уточнить в городском реестре ремесленников?

– Госпожа, прошу вас, – снова вздохнули с другой стороны двери.

– Мой брат здесь?

– Да, госпожа, здесь, но я не могу вас впустить.

– Почему же, интересно? – деланно удивилась Ягори.

– Но, госпожа, вы неподобающе одеты, мне не разрешено пускать господ в простой одежде, – чуть не плача, ответил привратник.

– Тогда позови того, кому разрешено, – отрезала Ягори.

Окошко захлопнулось, и она осталась одна. Минут через пять дверь отворилась, и Ягори встретила женщина лет пятидесяти в утонченном закрытом платье и с гладко убранными волосами. Из украшений на ней были только тяжелые золотые серьги-медальоны, украшенные двумя ощеренными волчьими мордами.

– Красивые сережки, – заметила Ягори, заходя внутрь.

– Благодарю тебя, дорогая, – с достоинством ответила женщина, – и за серьги, и за комплимент.

– Я должна срочно увидеться с братом, – снова повторила Ягори.

– Я понимаю, – кивнула женщина, – могу я предложить тебе комнату? Вигмара пригласят.

– Хорошо, – согласилась девушка, и последовала за хозяйкой по светлому коридору в обход основного зала.

Когда они проходили мимо открытых дверей, Ягори не удержалась и заглянула. Богато украшенный зал был обставлен удобными кушетками и низкими столиками. Везде стояли напитки и курительные принадлежности. Напротив, вместо стены, от пола до самого потолка сияли восхитительные витражные окна, распахнутые для желающих выйти на веранду. На кушетках, утопая в цветных подушках, сидели посетители – в большинстве солидные мужчины в дорогих одеждах. Вокруг них сновали молоденькие девушки в открытых облегающих платьях, а некоторые и без, едва прикрытые прозрачными тканями и блестящими побрякушками. У выхода на веранду в окружении оголенных красавиц сидел ее брат и из дорогого хрусталя поил, а точнее поливал золотистым напитком растянувшуюся рядом с ним длинноногую девицу. Девица, закинув стройные ноги ему на колени, хохотала и старалась пролить как можно больше.

Ягори отвернулась и поспешила за провожатой. Здание оказалось на удивление длинным и за первым залом оказалось еще два похожих. Миновав их, они оказались перед незаметной дверью, замаскированной в деревянной панели стены.

– Прошу, – указала на открывшуюся комнату хозяйка, – твой брат скоро подойдет, – и быстро направилась обратно.

Ягори зашла в комнату и осмотрелась: вдоль стен стояли обитые яркой тканью кушетки со множеством разнообразных подушек, в середине— низенький столик из дорогого дерева. Девушка уселась на мягкий диван и вытянула ноги. Через пару минут в дверь тихо постучали и, не дожидаясь ответа, вошел юноша с подносом еды.

– Мадам передает для госпожи, – почтительно проговорил юноша и поставил поднос на стол, – я также в вашем распоряжении, – он поклонился и замер у двери.

Ягори посмотрела на юношу с любопытством: высокий, стройный, еще совсем молодой парень был одет в шелковую набедренную повязку и две перекрещивающиеся на груди лямки; мягкие сандалии тонкой шнуровкой охватывали стройные икры. Черные, прямые, как у всех сианджийцев, волосы схвачены золоченым ободом. Юноша доброжелательно смотрел на Ягори.

– У тебя много работы сегодня? – поинтересовалась девушка.

– Сегодня вы моя работа, госпожа, – вежливо ответил юноша.

– Присаживайся и угощайся, – она указала на поднос, – можешь просто отдохнуть. Я здесь не за этим.

– Благодарю вас, госпожа, – юноша поклонился и робко присел напротив.

– Возьми что-нибудь поесть, здесь хватит на пятерых, – Ягори снова махнула рукой на поднос.

Юноша благодарно кивнул и деликатно взял гроздь винограда. В это время дверь снова отворилась, и вошел недовольный Вигмар: от него сильно пахло вином и курениями, черная шелковая рубашка была распахнута и мокро липла к груди.

– Зачем ты пришла? – он сердито глянул на мальчишку, и того как ветром сдуло, – выступаем только утром, и я не собираюсь слушать твои нотации.

– У тебя большие проблемы, так что будь добр, послушай мои нотации, – Ягори подошла к нему вплотную и снизу вверх посмотрела на брата, – а заодно объясни, почему какие-то отморозки сообщают мне, что сегодняшней груз они забрали в оплату твоего долга?

Вигмар не успел открыть рот, как дверь в комнату снова отворилась, и вошла взволнованная мадам.

– Господа, я прошу прощения, но вам небезопасно здесь оставаться. Мне сообщили, что на вас открыта охота. Здесь – первое место, где вас будут искать.

Ягори гневно посмотрела на брата, но тот казался скорее раздосадованным, чем испуганным или виноватым. Она повернулась к женщине:

– Благодарю вас, мадам Фурен, мы уже уходим.

Женщина кивнула и приглашающе указала в сторону коридора:

– Мои люди проводят вас за стену. Буду благодарна, если вы сохраните это в секрете.

Ягори и Вигмар поклонились и молча вышли из комнаты. За дверью их встретили двое невысоких мужчин, одетых в черное, и провели по узкому коридору вглубь дома, затем в подвал и оттуда – в сырой проход, уходящий резко вниз. Через некоторое время спуск закончился, ход пошел ровно, и вскоре они поднялись по грубым ступенькам и вышли в небольшую гостиную. Провожатые поклонились и исчезли в темноте лаза. Не успели Ягори и Вигмар оглядеться, как из соседней комнаты вышел заспанный старик, кутавшийся в одеяло, молча выпроводил беглецов и захлопнул дверь. Брат и сестра стояли на тихой улочке среди обычных домов, а выше по склону нависала светлая громада стены.

Высокий, подтянутый Вигмар и низенькая Ягори двинулись вниз по улице.

– Во что ты нас втянул? – тихо спросила она.

Он пожал плечами.

– На днях я сильно проигрался в «Костлявом Карпе».

– Опять? – возмутилась Ягори.

– Не кипятись, – буркнул Вигмар, – сильно, но ничего необычного. Бывало и сильнее, – он устало потер глаза.

– Нам и раньше угрожали, но никогда не нападали на товар или посыльных. Те, кто остановили меня в порту, сказали, что наши люди мертвы.

Вигмар остановился.

– Я думаю, кое-кому поперек горла, что мы не платим... – он запнулся, – налоги, так сказать, и не берем никого в долю. Что еще сказали?

– Что тебе надо вернуть вторую половину долга через месяц, или они вместе с Чайной Розой займутся нашим воспитанием. Говорила женщина, но кто именно, я не видела.

– Это ерунда. Товары, которые должны были уйти сегодня, трижды покроют мой долг, а прибыль от продажи и того больше. И потом, что это за охота? – он запахнул, наконец, свою мокрую рубашку, ежась от ночной прохлады, и продолжил, – я иду в «Костлявого Карпа», надо разобраться.

Недалеко от доков, на замызганной улочке располагалось известное в криминальных кругах место под названием «Костлявый Карп». Вигмар толкнул дверь, размалеванную под рыбий скелет, и под скрип несмазанных петель зашел внутрь. Ягори скользнула следом. Сразу за дверью они очутились в дымном, тесном помещении, пропахшем курениями, кислым пивом и человеческим потом. За стойкой полноватый лысеющий хозяин лениво протирал серым полотенцем мутные кружки. Вигмар огляделся и уверенно направился к стойке. Девушка не отставала. Увидев вошедших, мужчина испуганно затряс головой и стал делать жесты, чтобы те уходили, но Вигмар не обратил на это внимания и, протянув через стойку руку, сгреб сжавшегося мужичка за сальный ворот.

– Рассказывай, – грубо приказал он.

– Вигмар, не стоило бы тебе...

– Я сам решу, что мне стоит, а что нет. Рассказывай, или поговорим в другом месте, – он слегка встряхнул заскулившего хозяина заведения.

– Хорошо, хорошо, – примирительно поднял руки тот, – но тебе не стоит здесь оставаться.

Вигмар злобно рыкнул.

– Что ты знаешь о моем долге и объявленной охоте?

– Немного. Вчера днем хлыща, которому ты проигрался, кто-то грохнул. Пошли слухи, он сам был должен немаленькую сумму. Кому – никто точно не знает, вроде какой-то женщине, – Вигмар с Ягори переглянулись, – и она в курсе, что ты был должен хлыщу, поэтому весь долг перевесили на тебя.

– О каких деньгах идет речь?

– Поверь, я понятия не имею. Но только это не все, хлыщ оказался племянником Мей-Гу, и тот тоже не прочь стясти с тебя долг. Плюс, поговаривают, что тебя обокрали, и Мей-Гу разослал по городу людей, чтобы найти тебя и вернуть свои деньги.

Вигмар помрачнел и так сильно дернул рубашку хозяина, что та затрещала.

– Кто это поговаривает? – угрожающе рыкнул он в покрасневшее лицо.

– Не знаю, Вигмар, прошу тебя, – мужичок отчаянно цеплялся за державшую воротник руку, – я просто собираю сплетни и расставляю тарелки...

– Не надо скромничать, – Вигмар еще выше поднял руку.

– Ночью пришли какие-то оборванцы, – пискнул толстяк, – явно из Пин-Мин, и сказали, что видели, как ваших ребят прирезали на выходе из города.

– Откуда известно, что это мои ребята?

– Не знаю, клянусь, Вигмар. Пожалуйста, отпусти. Поговори с отребьем из Пин-Мин, они всегда все знают.

Вигмар, еще пару мгновений подержал трясущегося и пыхтящего толстяка, потом отпустил и вместе с сестрой быстро направился к выходу. Посетители проводили их взглядами. Вигмар не сомневался, что мелкие шестерки уже бежали в дом Чайной Розы, чтобы сообщить об их визите.

На улице брат и сестра быстро свернули в переулки и устроились в тихом закутке между складами и рекой. От воды тянуло холодом, и Вигмар ежился в своей тонкой рубашке, длинные волосы, собранные до этого в высокий хвост, растрепались. Ягори сидела на перевернутой бочке и вертела в руках тонкий стилет, который носила в сапоге.

– Вигмар, – тихо начала она, – ты же понимаешь, что встречаться с Мей-Гу без денег и без товара нельзя.

– Да, – спокойно ответил он, – но надо проверить, может это очередные сплетни, чтобы прижать нас.

– Эта история плохо пахнет. Опасно идти утром на встречу с посыльными. У вас был план на такой случай?

– Был, – покачал головой Вигмар, – в случае опасности встречаемся через два дня на другой точке. Но мне все это не нравится: слишком быстро расползлись слухи и слишком резво отреагировал Мей-Гу. Я не удивлюсь, если это его рук дело – мы крепко повздорили по поводу цены.

– Где вы должны встречаться с группой?

– За городом, на озере. Оттуда на лошадях до перевала. После – пешком через горы.

– Полагаю, незаметно туда подобраться у нас не получится?

– В точку, – невесело усмехнулся Вигмар, – за это я и выбрал то место.

– Ясно. А вторая точка?

– Гиблое дело, – снова покачал головой Вигмар, – если Мей-Гу действительно нас ищет, столько мы не проживем.

Ягори задумчиво поглядела на реку.

– У меня дурное предчувствие, – вздохнула она, – надо уходить из города. Заберем оружие и попробуем покараулить до утра где-то недалеко от озера.

– А ты не боишься, что, если мы сейчас уйдем, в следующий раз кто-то другой поступит точно также?

– Боюсь. Нам слишком дорого далось то, что мы имеем. Но ты не хуже меня знаешь, что без гроша в кармане наш голос ничего не стоит. У меня припрятано кое-что ценное. Немного, но хватит, чтобы сделать закупку за перевалом. Отнесем товар, возьмем закупку, вернемся в Бай-Чонг и предъявим счет этому жирному ублюдку. А с женщиной разберемся позже. Месяца нам как раз хватит.

– Согласен, но прежде я хочу заглянуть в Пин-Мин: нужно порасспросить об этой истории.

Они вернулись в темный переулок и направились к кособоким складам, примыкающим к трущобам. Здесь через подставных лиц Ягори держала несколько помещений для перевалки товаров и хранения изделий подешевле. Здесь же в случае необходимости оставляли оружие, если нужно было передвигаться по городу, и держали запас на случай бегства. Зайдя в одну из дверей в длинном ряду одинаковых помещений, Вигмар с Ягори зажгли масляную лампу и стали собираться. Первым делом Вигмар переоделся в такую же стеганую куртку и штаны, как на Ягори, и удобные высокие сапоги. Накинул плотный кожаный доспех, прошитый металлическими пластинами, закрывавшими спину и грудь; жесткие наплечники прикрыли руку почти до локтя, а грубый кожаный ворот закрыл шею. Вокруг пояса он обернул цепь с прикрепленным к одному концу коротким серпом, а к другому – тяжелым шипастым грузилом. За спину пристегнул парные широкие клинки, разложил по карманам звездочки и заткнул еще клинок за пояс.

Ягори надела поверх куртки похожий доспех, засунула в сапог второй стилет, под наручи – метательные ножи, пристегнула короткий меч и вскинула на плечо нагинату.

Взяв по приготовленной заранее сумке с дорожным снаряжением, они загасили лампу и вышли, запев за собой дверь. На улице все еще было темно, но звезды начинали бледнеть, возвещая о скором приходе рассвета. На западе, над горным хребтом, сорвавшись с ночного неба, одна за другой ярко вспыхнули две звезды.

Глава 3

Тамаш – Эрнальд, в лесу

Тамаш и Эрнальд торопливо шли под густой тенью деревьев, стараясь оказаться как можно дальше от города. День, умытый росой, расцветал свежим румянцем; пахло прелой листвой, мхом и влажной землей.

Тамаш привычно размашисто шагал среди узловатых стволов, обходя город по широкой дуге и забирая восточнее. Эрнальд старался не отставать. Временами они останавливались, прислушиваясь к лесу и опасаясь наткнуться на ранних грибников, но по мере того, как город оставался все дальше, шаг их становился спокойнее, а напряжение и страх отступали, растворяясь в теплых тенях дубравы.

Когда солнце поднялось достаточно высоко, а город остался лигах в трех позади, Тамаш остановился возле небольшого ручья.

– Нам надо отдохнуть и поесть. Присаживайся пока, а я за провиантом.

Через полчаса он вернулся с пучком прутиков, густо усаженных грибами, аккуратно сложил добычу возле спящего Эрнальда и снова ушел. А еще через полчаса вернулся с охапкой хвороста и, выудив из сумки кресало и кремень, занялся очагом.

Эрнальд спал, подложив ладонь под худую щеку и тихонько, по-детски, посапывал. Его волосы после мытья оказались совсем светлыми, а лицо, несмотря на худобу, было почти по-девичьи красивым: густые светлые брови изящно разлетались над большими глазами, опущенными светлыми же ресницами, а тонкий породистый нос оттенял красивую линию губ и упрямый подбородок. Тамаш вздохнул и тоже устроился отдохнуть.

Разбуженный ароматом готовящегося завтрака, Эрнальд поспешно сел, напряженно озираясь по сторонам: лекарь дремал под соседним деревом, а над остывающими углями грелись запечённые грибы. Юноша с интересом пригляделся к своему спутнику: долговязая худая фигура терялась в просторном черном балахоне без рукавов, ворот накидки, расшитый золотой тесьмой, был развязан, и сквозь широкую прорезь виднелась темная, застегнутая наглухо, рубашка; длинные темные волосы перехвачены в низкий хвост, а высокий лоб и прямой нос наводили на мысли о благородном происхождении. Сложно было сказать, сколько лекарю лет – улыбочное лицо в разговоре казалось почти молодым, но спящим он выглядел много старше, обнажая скрытую за живой улыбкой печать скорби. Тонкие губы и вытянутое лицо придавали ему еще более печальный вид.

– Ну что? Не спится? – не открывая глаз, улыбнулся Тамаш, и Эрнальд тряхнул головой – такой разительной была перемена. Перед ним снова был доброжелательный молодой мужчина.

Лекарь открыл глаза и пристально посмотрел на юношу внимательными черными глазами, а затем весело подмигнул и, улыбаясь, протянул один из прутиков:

– Выполняю обещание, угощайся!

Эрнальд не заставил повторять дважды и с удовольствием принял ароматный горячий завтрак. Тамаш развернул молодые листья лопуха, лежавшие рядом, и протянул юноше сочный корень дикого пастернака, уже промытый и обрезанный.

Они с аппетитом принялись за еду.

– Думаю, ты догадался, что я не очень хороший охотник, – усаживаясь поудобнее и сыто вздыхая, заметил Тамаш, – но пока мы идем лесом, голодными не останемся, – и он с сочным хрустом откусил душистый корень, – эта штука очень полезна, – он потряс светлым огрызком, – ты знал?

– Да, у нас его называют белый корень, – осторожно улыбнулся юноша и рассеянно посмотрел вглубь леса, – его подавали, когда я болел.

– Эрнальд, – деликатно начал Тамаш, – Расскажи, откуда ты?

Юноша смутился: с самого утра он не проронил ни слова. Тихо следуя чуть позади лекаря, он держался замкнуто и настороженно, присматриваясь к своему неожиданному попутчику. Юноша внимательно посмотрел на левую руку лекаря, прикрытую тонкой кожей перчатки, потом перевел взгляд на открытое молодое лицо, взвешивая, насколько может быть откровенным, и, не увидев подвоха, заговорил, аккуратно подбирая слова:

– Я родился в северном герцогстве и до двенадцати лет был обычным, пока однажды не проснулся вот с этим, – он через рубашку потер ключицу, – Я испугался и рассказал матери, она – отцу, а отец испугался уже меня.

Эрнальд сжал губы и надолго замолчал. После паузы он продолжил.

– Так получилось, что мне удалось бежать. Единственное, что мне тогда показалось полезным, это оружие, так что я успел прихватить кольчугу и учебный меч и, в чем был, сбежал куда подальше. Поначалу попрошайничал и переходил из города в город, – он пожал плечами, – потом подрос и стал слишком высоким, чтобы клянчить милостыню, тогда-то я и начал проситься в сопровождение караванов, но, как видите, не очень успешно, – он развел руками. – Обычно брали за еду совсем уж никудышные торгаши или пилигримы, которые кормили мало, а гоняли много. Но, я, в общем-то, не жалею, это лучше, чем быть утопленником – он вздохнул, – вот и все.

– Мне жаль, – тихо сказал Тамаш.

– А вы?

– Я? – Тамаш задумался, – а я таким родился, Эрнальд. И это очень длинная история, – он покачал головой, – я обязательно расскажу ее, но не сейчас. Нам пора идти. Если возьмем напрямик, через три дня будем в Инвераде – столице твоего герцогства.

Эрнальд побледнел:

– Но... нам обязательно идти в Инверад?

– Это просто город, Эрнальд, а нам нужно кое-что купить для перехода через горы.

– Я думал это так, к слову – насчет гор.

Тамаш искренне улыбнулся:

– Нет, очень даже по-настоящему. Да и, если честно, – он неожиданно погрустнел, – после этой истории в купальнях мне поскорее хочется оказаться где-то в безлюдье. Ключи – город небольшой, но рядом проходят торговые пути из каменоломен, так что скоро все, кому не лень, будут рассказывать небылицы об Аваимовом отродье и пропавших лекарях.

– Но вам-то нечего бояться! Никто вас не заподозрит.

– Это уже неважно...

– Зря вы за меня заступились, – Эрнальд спрятал лицо в ладонях, – от моей жизни все равно нет никакого толка.

Но Тамаш лишь покачал головой.

– Не тебе это решать, – он поднялся и стал зашнуровывать золоченый ворот, – и не мне. Мы все вышли из дыхания Аваима, и он один вправе решать, есть в твоей жизни толк или нет. И потом, я всю жизнь мечтал встретить такого же, как я. Неужели я мог бы оставить тебя на растерзание этим деревенщинам?

Он молча затоптал огонь, и они отправились дальше.

За день они пару раз останавливались на короткие привалы, перекусывали кореньями или сочными стеблями, которые лекарь находил по дороге. Эрнальд все также молчаливо и настороженно шел чуть позади, не пытаясь завязать разговор, а Тамаш не навязывался в себе-седники, предоставив юноше возможность привыкнуть. К вечеру начало холодать, из низинок пополз туман, и Тамаш занялся поиском ночлега. Выбрав небольшой пригорок, укрытый с двух сторон парой необхватных дубов, Тамаш оставил Эрнальда дремать у корней, а сам отправился за хворостом и лапником для ночлега.

Ночью Эрнальда мучили кошмары, он тихонько всхлипывал и что-то причитал. Тамаш осторожно, стараясь не разбудить, присел рядом и положил тонкую руку ему на лоб. Юноша пару раз всхлипнул и внезапно расслабился, задышав глубоко и ровно. А Тамаш растер показывание в пальцах и так же тихо отошел к журчащему невдалеке ручью.

Он несколько раз умылся холодной водой и постоял, вдыхая аромат ночного леса. Убывающая луна давала слишком мало света, и все казалось нереальным, словно продолжение странного сна. Тамаш запустил пальцы в волосы, приглаживая их мокрыми руками, и снова протер лицо. Этот юноша отличался от других. Был ли это след той силы, что оставила на нем свои отметины, или что-то иное, он не смог понять, но его собственная воля странным образом спелась с сущностью мальчика и, вместо того чтобы забрать ночной кошмар, едва не затянула его самого в горестные сети чужого сна.

Тамаш почесал короткую щетину и заспешил обратно.

Эрнальд не спал. Он беспокойно озирался по сторонам и тихо звал Тамаша.

– Здесь только мы, – улыбнулся в темноте лекарь, – можешь не бояться разбудить соседей, – он подбросил веток в костер, и красноватые отблески раскрасили лица рыже-черным узором.

– Господин Тамаш, – неуверенно спросил Эрнальд и заправил волосы за ухо, – Почему вы сказали, что мы вышли из дыхания Аваима?

– Скажи мне, – вместо ответа спросил лекарь, – ты часто бываешь в храмах?

– Ну... – замаялся Эрнальд.

– Ясно, – усмехнулся лекарь, – а что ты знаешь о сотворения мира?

– Эм... Виата и Аваим вместе создали наш мир. Аваим предал ее и обратился ко Тьме, чтобы править одному. Они схватились в великой битве. Виата проиграла. Умирая, она призвала с небес божественное пламя и рассеяла Аваима и Тьму. Но с тех пор частицы Тьмы ищут слабых духом и проникают в людские сердца. Тьма жаждет возродиться и собирает войско, а своих слуг отмечает такими знаками, – он потер ключицу, – вроде бы так... А! А Сила Виаты возрождается в таких, как вы. Теперь все.

– Да, именно так нас учат. А хочешь узнать, как было на самом деле?

Эрнальд удивленно посмотрел на лекаря и горячо закивал.

Вначале была Тьма, благодатное темное лоно, и в этой Тьме родилась Жизнь. Но Тьма не знала, что она Тьма, а Жизнь не знала, что она жива, пока не появился Свет.

Тьма обрамила Свет, а Свет озарил Тьму, и, согретая теплом и объята тенью, Жизнь обрела форму, ибо свет без тьмы пуст, также как и тьма бесплотна без света. И каждый из рожденных во мраке с тех пор носил в себе Свет, а каждый из созданий света был частью Тьмы. И если свершалось меж созданиями Света и Тьмы единение, то, рожденная в этом соитии, расцветала Сила, равных которой нет.

В давние времена, когда нашего мира еще не было, а боги были молодыми, Аваим, рожденный во мраке, полюбил Виату, рожденную светом, а Виата полюбила Аваима, и как от человеческого союза рождается дитя, так от союза богов явился новый мир. Чтобы укрыть свое дитя от иных созданий, боги собрали благословенную силу и заключили ее в каменный клинок, который разместили на серебряном ложе, и повелели, чтобы сила, заключенная в камне, оберегала этот мир.

И как люди воспитывают чадо, так боги лелеяли и взращивали мир. Силой Света Виата создала тверди земные. Усмирив первородную ярость, она подарила миру тепло и солнечный свет, рукой своей взрастила леса и напитала зеленью травы, начертала реки и вздыбила кости земные, уложив их каменными хребтами.

Аваим же наполнил свет жизнью. Из благодатного мрака он создал всех тварей земных, наделив их живою душой и повелев жить в согласии. И каждый зверь, гад или птица, что ходят по этому свету, есть плод дыхания живородной Тьмы.

И вот, когда мир обрел форму и был населен бессловесными тварями, вдвоем боги создали человека, наделив его разумом и волей и сделав в этом равным себе. Человек стал возлюбленным творением Аваима. Оставив божественный лик и приняв человеческое обличие, Аваим странствовал среди людей и щедро делился с ними мудростью, оберегал и учил заботе и святости всякой жизни – большой или малой.

Мир был прекрасен и юн. Боги, не таясь, ходили среди людей, а люди без робости и корысти внимали их мудрости. Но со временем людей становилось больше, а душа их черствела. Они уже не внимали богам как равные равным, сердце их очернила зависть, а жадность их все росла, возжелав не только мудрости, но и силы богов. Виата редко бывала среди людей, но замечала перемены, Аваим же был слеп в своем обожании и продолжал странствовать, все больше отдаляясь от возлюбленной.

Виата тщетно пыталась предостеречь его. Как она ни старалась, Аваим оставался глух, продолжая потакать своевольным потомкам, пока однажды люди не восстали против богов и не напали на спящего Аваима, чтобы присвоить себе черный клинок.

Виата, измученная ревностью, возненавидела предателей и, ослепленная яростью, призвала исконные силы, чтобы уничтожить неблагодарных детей, но Аваим, умирая, встал на пути света, и Виата отступила. Последней волей своей Аваим исторг Виату вовне, навсегда сомкнув за ней небесный свод, чтобы укрыть людей от мести богини. Но люди не возблагодарили его, они решили, что он погубил богиню Света, и за это прокляли Аваима, заклеймив живородную Тьму. После той битвы клинок был утрачен, а боги навсегда покинули наш мир...

– Как видишь, Эрнальд, – закончил лекарь, – очень многое стерлось из человеческой памяти, и так уж повелось, что люди стали почитать Виату за силу и ярость, тогда как Аваим, преданный нами и ради нас предавший свою любимую, был незаслуженно очернен. И никто уже не помнит, что сила, дающая жизнь, была на самом деле рождена Тьмой, а не Виатой. Я ответил на твой вопрос?

Эрнальд долго молчал.

– Откуда вы это знаете?

– Не все свидетельства были уничтожены, хотя их и осталось очень мало.

– Тогда почему нас учат иначе?

– Это один из тех вопросов, на которые я бы хотел найти ответ.

Догорающий костер тихонько потрескивал и изредка выстреливал в темноту стремительные оранжевые искры; лес загадочно перешептывался, укрывшись в непроницаемой ночной тьме за пределами маленького очага. Двое путников молча глядели на красноватые угли, каждый думая о своем.

К началу третьего дня пути широкие дубы начали постепенно уступать огромным разлапистым елям, лес становился все более темным и мшистым, постепенно поднимаясь в сторону гор. На смену запахам прелой листвы пришел терпкий аромат смолы и хвои. Исчезли травянистые полянки и светлые заросли кустарника, мягкая лесная подстилка сменилась плотным хвойным ковром, который упруго пружинил под ногами. Время от времени встречались затянутые папоротником тенистые прогалины и кусты можжевельника, съедобная растительность попадалась все реже.

К концу дня лес расступился, и Тамаш с Эрнальдом оказались на краю широкого поля, расстилавшегося до самых гор. Далеко впереди поле резко горбилось, взбираясь на крутые отроги, и распадалось на отдельные каменистые холмы. Надо всем, чего касался взгляд, пора-

жая величием, парили снежные пики Срединного Хребта, розовеющие в уходящем закате. Левее, в широкой долине, зажатой с трех сторон крутыми горными боками, перемигивался зажигающимися огоньками Инверад, а над подвижным миражом города, словно вырастая из окружающих скал, возносилась темная громада замка, такая же величественная и неприступная, как далекие снежные вершины, застывшие в невесомых розовых облаках.

От открывшегося вида у Тамаша перехватило дыхание, и он восторженно оглядывал впечатляющую панораму. Эрнальд позади него, напротив, сник и стоял, не поднимая глаз. Тамаш потер руки, согревая их от холодного дыхания гор, и бодро сообщил:

– Пойдем, посмотрим, что впереди. Нам надо кое-что успеть, прежде чем завтра утром войти в город.

– Может, без меня? – неуверенно предложил Эрнальд.

– Не стоит нам разделяться, – ответил лекарь и направился в сторону города. Эрнальд поплелся за ним.

– Господин Тамаш, а не опасно появляться в городе? Вы же говорили, что после событий в Ключах нам не стоит... – снова попытался юноша.

– Не думаю, что об этом здесь слышали. По тракту сюда не меньше четырех дней хода, к тому же мы тебя немного замаскируем, – он обернулся, заговорщицки подмигнул и, не дав опомниться, заспешил в сторону огней.

Возле города Тамаш быстро определился и направился на тихую небогатую окраину, уже спавшую крепким сном честных тружеников. На одной из узких улочек он остановился, быстро огляделся и молча перемахнул через невысокий дощатый забор, словно и не был одет в длинный балахон. Меньше, чем через минуту, он снова перемахнул через забор обратно на улочку с темным кульком в руках, и они заспешили прочь.

– Господин Тамаш, это же... – сдавленным шепотом начал Эрнальд.

– Не надо драмы, пошли быстрее, – махнул рукой Тамаш и направился к выходу из переулка.

– Но также нельзя. Вы наместник богини... бога... это неправильно! – взволнованно шептал ему в спину Эрнальд.

Тамаш остановился и обернулся, внимательно поглядев на испуганного юношу.

– Эрнальд, я лекарь, а не проповедник. К тому же, поверь, предмет разговора не стоит даже времени, потраченного на этот разговор. Пойдем, и не забивай себе голову, – он приглашающе махнул рукой и заспешил прочь из города.

В глубоких сумерках они дошли обратно до опушки леса, Тамаш устроил ночлег, и они легли на пустой желудок, не найдя поблизости ничего съедобного и опасаясь разводить огонь вблизи города.

На рассвете лекарь растолкал Эрнальда и предъявил свой вчерашний трофей: жуткого вида коричневое, мягкое женское платье.

– Ни за что, – отрезал Эрнальд.

– Ну да, фасон не очень, – смутился лекарь, оглядывая свою добычу.

– Я сказал, нет, – твердо повторил парень.

– Но Эрнальд, тебе же не надо изображать девушку, это просто наряд. Ну... как у меня, например, – он растянул подол своего одеяния.

– Почему бы вам не снять свой балахон? Так мы привлечем меньше внимания, чем в этом, – он брезгливо указал на платье.

– Я не могу, – развел руками лекарь, – мой обет не позволяет уклоняться от своих обязанностей.

– Неправда, – запальчиво кинул Эрнальд, – если мы сбежим в горы, вы никому там не сможете помогать.

– Я не простой лекарь, как ты уже заметил, – спокойно возразил Тамаш, – чтобы лечить страждущих, по королевству ходит много обычных врачей. Но никто из них не сможет и не захочет разбираться в твоей или моей истории. А сколько еще таких как мы? Сколько их было и будет утоплено ни за что? Боги зачем-то же сделали меня таким, – он потряс рукой, – и направили по тому пути, которым я прошел. Нет, Эрнальд, я вижу свое предназначение не только в том, чтобы врачевать больных. Я хочу понять, что за Тьма нас отмечает и, наконец, подарить отпущение всем тем безвинно загубленным. Ты ведь согласишься, что нет никакого воинства, и никто нас никуда не призывает?

Юноша покачался на носках, потом резко повернулся и одним махом накиннул уродливый наряд поверх своей одежды, прикрывая и ножны с кинжалом. Недовольно сопя и не оборачиваясь, он быстро пошел в сторону города. Тамаш поспешил следом.

Когда они дошли до городских ворот, те как раз открывались, и разнорабочие, жившие вне городских стен, уже начали подтягиваться, торопясь на заработки в город. Когда подошла очередь Тамаша с Эрнальдом, стража пропустила их, не задав ни одного вопроса, и путники поспешили к оживающей рыночной площади.

Эрнальд на удивление хорошо ориентировался в городе. Ловко подхватив юбки, он уверенно выбирал дорогу в переплетении тесных городских улиц.

За очередным поворотом высокие дома расступились, и они вышли на просторную площадь, заставленную рядами деревянных прилавков. Торговцы бодро выкладывали товар и зазывали собирающихся, несмотря на ранний час, покупателей. А покупатели придирчиво осматривали выкладку, надеясь купить что получше до основного наплыва посетителей. Эрнальд обернулся и коротко спросил:

– Какие нужны товары?

Тамаш задумался, взвесил в руке кошелек и стал перечислять:

– Два плаща, котелок, пара ложек, мех для воды, сменная одежда, мыло, провиант, собственно, торба и то, что тебе нужно для личного пользования. Это выберешь сам.

Эрнальд не говоря ни слова, развернулся и направился вглубь торговых рядов. Первой они посетили лавку старьевщика, где выбрали поношенные, но вполне пригодные плащи и запасную одежду. Там же им по хорошей цене отдали прочную кожаную торбу. Затем зашли в посудную лавку, где разжились неплохим котелком, ложками и двумя вместительными мехами для воды на длинных ляжках. В продуктовой лавке Тамаш взял пару кусков солины, треугольник сыра, крупу и небольшой отрез вошеной холстины, чтобы завернуть припасы. Эрнальд попросил несколько мелких монет и ненадолго заглянул на развал мелочей, пока лекарь торговался за продукты.

За все это время к ним ни разу никто не обратился за лекарскими услугами, и Тамаш заторопился на выход, чтобы поскорее покинуть город. Уже на выходе Эрнальд вдруг резко остановился напротив лавки с музыкальными инструментами и как зачарованный замер у стеллажа с лютнями. На высоких полках стояли всевозможные инструменты – от ярких и богато украшенных до самых простеньких, годных разве что начинающим. Эрнальд со знанием дела пробежался пальцами по инструментам и из всего разнообразия выбрал скромную дорожную лютню с маленьким оттиском в виде цветка ветреницы. Он нерешительно подержал ее в руках, легонько тронул струны, и как замороженный замер, не решаясь попросить о покупке, но и не в силах уже оставить инструмент. Тамаш потряс свой сильно похудевший кошелек, прикинул что-то и отсчитал положенную сумму.

Дорогой Эрнальд не проронил ни слова и только бережно прижимал к груди музыкальный инструмент, рассеянно глядя по сторонам и забыв обижаться. Уже на месте стоянки, в лесу, он нерешительно прокашлялся и смущенно произнес:

– Спасибо. Вы были не обязаны.

– Возможно, – ответил лекарь, – но я кое-что понимаю в людях. Простой паренек скорее заинтересовался бы оружием, или на худой конец сладостями, но никак не лютнями. Да и выбор ты сделал не самый очевидный, – Тамаш доброжелательно улыбнулся, – в тебе, Эрнальд, много загадок, а я ничего не имею против музыки.

– Не нужно было... Я не смогу вернуть деньги.

– Забудь. Просто береги ее. Сколько тебе лет?

Эрнальд помялся и неохотно ответил.

– Шестнадцать.

– Вот видишь, Эрнальд, я прав. За четыре года другой бы смешался с толпой и сам стал одним из тех проходимцев, которые так ловко находят пропитание и доход в чужом кармане. Это проще, чем жить честно.

– Мне тоже приходилось воровать, – запальчиво возразил юноша, – и я тоже обшаривал чужие карманы, так что я ничем не лучше других.

– Ты меня не обманешь, Эрнальд, – обернулся Тамаш, – тебе стыдно за эти поступки. И потом, ни одного из городских попрошаек не остановил высокий рост от того, чтобы продолжить воровать и обманывать. Это твое решение и твое желание добывать пропитание честно. Разве я неправ?

Эрнальд тяжело вздохнул и неохотно ответил:

– Меня нигде не принимали. Ни в одном из городов, мне не удалось прижиться надолго. Честную работу мне не доверяли, а беспризорники быстро выдавливали со своих территорий. Ну а в приличных кварталах стража с такими, как я, не церемонится, – он грустно пожал костлявыми плечами.

– Ты носишь много тайн, Эрнальд, – заметил Тамаш, – они наполняют тебя страхом и заставляют быть нелюдимым. Это пугает людей. А ребята с улиц не любят того, что их пугает. Ты для них слишком сложный.

Эрнальд вопросительно хмыкнул.

– Не прикидывайся, – Тамаш скептически посмотрел на юношу, – я же не городской беспризорник, кое-что вижу в людях.

Эрнальд хотел было возразить, но лекарь примирительно поднял руки:

– Будь спокоен, мне твои тайны ни к чему. Пусть остаются тайнами. Но я все-таки рад, что судьба свела нас, – и тонкий палец лекаря коротко ткнулся в грудь юноше.

– Я тоже рад, – сдержанно ответил Эрнальд, уклоняясь от дальнейшего разговора.

– Ладно, не бери в голову, – улыбнулся Тамаш, – пойдём-ка лучше разберем вещи. Я помню, там дальше был ручей. Мне ужас как хочется выстирать, наконец, свой балахон.

Поправив торбу и поудобнее устроив сумку, Тамаш вновь направился вглубь леса, и юноша поспешил следом. Довольно скоро дорогу им преградила небольшая речка, и они прошли вдоль глубокого русла, подыскивая удобный подход к воде. Найдя пригодный спуск, Тамаш сложил вещи на землю и начал стаскивать лекарское одеяние. Эрнальд нервничал и непрестанно озирался по сторонам.

– Вы не боитесь, что кто-то увидит? Вдруг здесь пройдут грибники или дровосеки?

Тамаш оглянулся. Без своего объемного балахона он не выглядел таким долговязым и нескладным. В обычных штанах и рубашке он оказался вполне приятным молодым мужчиной.

– Конечно. Город слишком близко. Я только займусь стиркой.

Он стянул тонкую перчатку, положил вместе с сапогами. Эрнальд с удивлением отметил, что узкие, голые ступни тоже покрыты черным узором.

Прихватив кусок мыла, прямо в одежде Тамаш зашел в воду и принялся старательно полоскать пыльное одеяние. Тщательно намылив золотое тиснение, он перекинул мыло на берег и стал бережно оттирать ворот, что-то весело насвистывая. Эрнальд, не зная, чем себя

занять, уселся на поваленное дерево и стал наблюдать. Через некоторое время он нерешительно спросил:

– Как вам это удастся?

– Что именно? – не отрываясь от своего занятия, отозвался Тамаш.

– Ведь вы... такой же, как и я, но вы, – юноша замялся, – не ненавидите себя.

– Эрнальд, – Тамаш прекратил стирать и посмотрел на юношу, – ты ведь родился обычным, и целых двенадцать лет у тебя были мечты и планы на жизнь, поэтому ты ненавидишь то, что их у тебя отняло. А я родился таким, – он поднял из воды левую руку, – меня младенцем выбросили в лес, даже не утопили – просто выбросили. Только по воле богов я еще жив.

Тамаш брызнул на надоедливую жирную муху и продолжил:

– В лесу на детский плач вышли не звери, а врачеватель. Он подобрал меня, вырастил и научил скрываться от людей.

– Но почему он не испугался? Вы же сами говорили, что простые врачеватели не станут вникать в нашу проблему.

– Не знаю. Я много раз его спрашивал, но он только говорил, что на все воля божия. А в девять лет отдал меня в обучение и больше мы не виделись. Так что, Эрнальд, я жив, в меру здоров, имею ремесло – у меня нет причин грустить.

– А как же отметины? Они же делают нас изгоями.

– Отметины... – задумчиво протянул Тамаш, – изгоями делают не они...

И он снова вернулся к стирке.

Эрнальд привычным жестом заправил волосы за ухо и задумчиво оглядел лес, произвольно пощипывая струны лютни, которую так и не выпустил из рук. Постепенно увлекшись, он принялся сосредоточенно настраивать инструмент, по очереди зажимая лады и что-то подкручивая. Тонкие пальцы со знанием дела, хотя и неуверенно, двигались по грифу, как будто принаравливаясь к знакомому, но забытому делу. Он бережно изучал лютню, словно это было величайшее сокровище: трепетно поглаживал округлые бока, разглядывал тонкие деревянные прожилки, протирал невидимые пятнышки и потихоньку подкручивал колки, выправляя тон. Весь его облик словно сделался иным: плечи перестали вжиматься в шею, спина расправилась, неловкие острые локти и коленки сгладились, и вместо неуверенного, колючего подростка перед Тамашем сидел тоненький молодой юноша, даже несколько женственный.

Раз за разом повторяя одни и те же переборы, Эрнальд постепенно добавлял в них больше деталей, украшал. Местами юноша сбивался и пробовал снова, но было очевидно, что, несмотря на долгий перерыв, он прекрасно владеет инструментом. Потихоньку переборы стали складываться в красивую мелодию, которая, вновь и вновь повторяясь, звучала увереннее. Запинаясь и повторяя по нескольку раз сложные места, юноша перебирал струны, подбирая мотив. Взгляд его рассеянно блуждал по инструменту. Вскоре мелодия зазвучала чисто, а Эрнальд погрузился в подобие транса, углубившись в свои мысли и не глядя перебирая струны. Когда же лютня затихла, он ласково провел по струнам, словно благодаря инструмент, и, очнувшись от своих мыслей, огляделся вокруг. Тамаш, так и стоя на середине ручья, с восхищением смотрел на него. Юноша смутился и словно сжался весь обратно, отводя взгляд.

– Эта покупка действительно того стоила, – с тихим восторгом произнес лекарь, – мне редко доводилось слышать такое чудесное исполнение.

Эрнальд смутился еще больше и, покраснев, ответил:

– Я давно не играл, получилось не очень...

– Я узнал мелодию. Тебе удалось сделать ее особенной, поверь.

– Откуда? – удивленно спросил юноша.

– Песнь Уходящего Сердца – очень древняя баллада, – лекарь помедлил с ответом, – это плач разлученных Виаты и Аваима, – он еще помедлил и со вздохом добавил, – иногда ее поют тем, к кому я не успел.

– Она всегда казалась мне непонятной и очень печальной, – Эрнальд задумался, уносясь мыслями в прошлое, – мать пела ее, когда я болел, – он сделал долгую паузу, – и в тот вечер, когда отец пришел забрать меня, – с этими словами подбородок его дрогнул.

Эрнальд сердито мотнул головой и, резко отвернувшись, кулаком вытер глаза. Хмуро отложив инструмент, он, не оборачиваясь, пошел в глубину леса, гневно пиная поганки, а Тамаш вернулся к своему занятию.

Глава 4

Тамаш – Эрнальд, дальше на восток

Ближе к обеду Эрнальд вернулся и принес охапку хвороста. Несколько крупных грибов он по примеру Тамаша нанизал на прутик и отдал съестное лекарю. Тамаш, уже одетый, сидел у огня и наблюдал, как над костром побулькивает похлебка. Черный балахон сушился на солнечной прогалине по соседству, куда не доходил дым от костра, там же лежали остальные вещи, а трофейное платье лекарь повесил рядом с собой, чтобы тепло от костра побыстрее просушило плотную ткань.

Приветственно помахав рукой, Тамаш забрал грибы и, ловко почистив, отправил в похлебку, заправив все щепоткой соли. Когда суп наконец был готов, скомандовал обед, и пару мгновений котелок опустел, а лекарь с юношей, довольные, растянулись на мягкой лесной подстилке.

– Господин Тамаш, – позвал Эрнальд. – а почему ни в Ключах, ни в городе никто не подошел к вам? Я думал вы, лекари, всегда нарасхват.

Тамаш, удобно пристроив голову на кучке лапника, жевал травинку и прямо на себе сушил штаны, вытянув ноги к костру.

– Я и сам удивлен, – усмехнулся он, – но думаю, в Ключах я слишком мало задержался, чтобы слухи разошлись, да и суета со свадьбой... А в Инверраде мы были ранним утром: тем, кто начинает день затемно, некогда болеть – им надо кормить себя и свои семьи. Задержись мы чуть дольше, они бы закончили срочные дела и потянулись со своими бедами, – он со вкусом потянулся, – обычно я так и делаю: устраиваюсь пораньше на базарной площади и ожидаю просящих.

Эрнальд, не придумав, о чем еще поговорить, закутался в плащ и устроился подремать, а Тамаш погрузился в свои мысли и сонно разглядывал причудливое мельтешение листвы и солнечного света. Дневной лес щебетал и наполнял воздух отзвуками своей звенящей, суетливой жизни. Кругом разливалось спокойствие и беззаботность, и, убаюканные горячей едой и неожиданной передышкой, юноша и лекарь постепенно погрузились в глубокий сон.

– Денечка доброго, господа, – грубый мужской голос вспорол полуденную негу.

Тамаш испуганно подскочил и, сонно моргая, уставился на троих незнакомцев. Все трое были при мечях и в кольчугах, на груди старшего, как решил про себя лекарь, висел на цепочке герцогский герб. Эрнальд испуганно выглянул из-под глубокого капюшона.

– И вам добрый день, господа, – справившись с испугом, спокойно ответил Тамаш, собирая растрепавшиеся со сна волосы.

– Именем герцога, назовитесь и покажите лица, – гаркнул коренастый старшина, уперев руки в перевязь с мечом.

– А по какому поводу, доблестные господа? – участливо поинтересовался Тамаш.

– Поручено проверять леса, – потеплев от вежливого обращения, уже менее сурово ответил старший, – из Ключей гонец прибыл, лекарь у них там пропал. Говорят, Тьма прибрала.

Тамаш искренне всплеснул руками, а Эрнальд еще глубже завернулся в плащ.

– Беда какая, – покачал головой лекарь, – а чего же его здесь-то искать?

– Герцог распорядился, – старшина благодушно пожал широкими плечами, не забывая внимательно оглядывать стоянку. Зацепившись взглядом за растянутое на ветках платье, он недоуменно вздернул брови и продолжил, – У нас-то тихо пока, но на рынке болтают всякое.

– Всякое? – стараясь не подавать виду, поинтересовался Тамаш.

– Порчу там, в Ключах, навели, свадьбу сорвали у головы ихнего, – глупо гоготнув, вставил рябой детина.

– А ну – цыц! – прикрикнул старший. – Говорят, мальчишку меченого видали, и лекарь пропал у них. Вот и всполошились. А утром тута, на базаре, лекарь, говорят, объявился, и не видать его больше в городе. Вот и распорядился герцог леса проверить, – старшина прикрикнул, поправляя перевязь с мечом, – а невесту, гонец сказывал, мужики ночью с пастухом застукали, она и голосила, что Тьма попутала. Тьфу, дура.

– Да, страшные дела творятся, господа. Да только здесь кроме нас никого нет, сами видите, – Тамаш широко обвел рукой стоянку, отвлекая взгляды стражников от сложенных неподалеку вещей, – а есть приметы хоть у паренька того меченого?

Эрнальд волчком зыркнул на лекаря, но тот не обратил внимания, а старшина, встретив благодарные уши, охотно делился новостями:

– Гонец говорил, будто бы ростом с ребенка, чернявый, лохматый, глаза чернющие и размалеван закорючками весь, – стражник оглянулся и, понизив голос, добавил, – а на руках совиные когти.

– Страх-то какой. Не приведи Свет, – всплеснул руками Тамаш, а Эрнальд удивленно посмотрел на бородатого старшину.

– Говорят, лекарь помочь ему хотел, да так и сгинул, хозяйка только вещи его потом нашла.

– Ох, Свет сохрани. Нет, господа, здесь только я, да моя жена, а больше никого мы не видали, – Тамаш развел руками, а Эрнальд затряс из-под плаща головой, растрепав светлые волосы.

Старший еще раз оглядел стоянку и, задержав взгляд на коричневом платье, удовлетворился увиденным, махнул двоим стражникам, и они направились дальше.

Тамаш с Эрнальдом, выждав, пока непрощенные гости скроются за деревьями, облегченно выдохнули.

– Господин Тамаш, – прочистив горло, подал голос Эрнальд, – вы же наврали.

– Ну, – прищурился лекарь, – я уже сказал, что не проповедник. И, потом, раз уж судьба отправила к нам таких остолопов, разубеждать их не вижу смысла. Хотя, попадись нам более сообразительные, все могло бы выйти немного сложнее.

– Более сообразительные в стражниках не ходят.

– И то правда, – усмехнулся лекарь, – но нам действительно повезло. Хоть у тебя и нет совиных когтей, – подмигнул он, – но надо уходить. Сегодня на ночь останавливаться не будем.

– А волки? – испуганно ахнул юноша, стаскивая плащ, – в этом краю никто не рискует ходить в темноте.

– Пусть это тебя не беспокоит, – ответил лекарь и направился укладывать скромные пожитки.

Снова накинув балахон, он быстро уложил вещи в объемную торбу, и путники заторопились дальше на восток, оставляя горные пики по левую руку.

Чем дальше они уходили от Инверада, тем свободнее становился лес. Темный ельник сменился просторным кедровым бором. Ровные стволы хвойных гигантов свободно рассыпались по ровной, несмотря на близость гор, земле; подлесок почти исчез, оставив лишь одиночные невысокие кустики; землю укрывал плотный ковер опавшей хвои с редкими вкраплениями жидкой тонколистной травы. Весь лес походил на роскошный королевский парк, чистый и прозрачный. Идти было легко. Душисто пахло смолой. Далеко вверх щебетали птицы, и Тамаш с Эрнальдом скоро оставили город далеко позади.

Когда солнце скатилось к закату, низкие косые лучи окрасили лес оранжево-черными полосами, изрезав землю длинными густыми тенями, которые постепенно становились все гуще и, сливаясь, погружали лес в непроглядную темень. В низинках начал скапливаться белесый туман, расплзаясь вокруг, он заполнял кедровник призрачной дымкой. Теплый летний

вечер быстро свежел, напиваясь стылой прохладой и заставляя плотнее запахнуть плащи. С приходом сумерек поднялись полчища голодного гнуса и накинлись на легкую двуногую добычу. Тамаш по пути нарвал узких душистых листьев, которые обычно подбрасывал в костер, они с Эрнальдом обтерли руки и шею, но это мало помогло.

Ночь мягко опустилась на землю, проглотив длинные северные сумерки, и окрасила лес черным с серебром; небо обсыпало звездами, а ночные создания, очнувшись от дневного сна, заспешили по своим делам, шурша и перешептываясь где-то высоко над землей. Тамаш продолжал идти вперед, не сбавляя шага и спеша как можно скорее покинуть открытый кедровник.

Вскоре лес опять изменился. Земля начала собираться складками. Ровные стволы древних кедров уступили место темному беспорядочному ельнику, густо заросшему чахлым кустарником и изрезанному мелкими влажными овражками. Все чаще попадались поваленные деревья, и продвигаться стало неудобно. Тамаш скомандовал привал и они, не разводя огня, сложили вещи и устало опустились на землю.

Но не успели они вытянуть ноги, как среди убаюкивающих шорохов послышался легкий щелчок сухой ветки, чуть ближе прошуршали листья, послышалось сильное дыхание крупного зверя, и прямо перед ними из темноты вынырнул огромный северный волк и молчаливо навис над сидящими людьми. Эрнальд сдавленно охнул и схватился за кинжал, но Тамаш уверенно придержал юношу и спокойно поднялся, оказавшись нос к носу со зверем, ростом почти с него самого.

Волк, готовый напасть, опустил голову и взгорбил роскошный меховой загривок. Массивные, длинной в ладонь, клыки белели в черном створе губ. Тамаш, не отрываясь, глядел в удивительные светлые глаза хищника. Завораживающим медленным движением он поднял руку и приложил пальцы к мохнатому лбу. Волк рыкнул и нервно дернулся, но вдруг замер и настороженно приподнял уши, искоса, с недоверием глядя на человека. Затем раздраженно фыркнул и махнул огромной головой в сторону кедрового леса. Тамаш сложил ладони перед лицом и благодарно поклонился. Волк с достоинством кивнул в ответ, повел ухом с приметным рваным краем и скольльзящим движением растворился в ночи, словно его и не было. Лекарь устало выдохнул и привалился к дереву, потирая переносицу.

– Нам надо пройти дальше, Эрнальд, – после паузы проговорил он, – все немного сложнее, чем я думал.

– Но... я не понимаю... – запинаясь проговорил юноша.

– Похоже, я недооценил местные суеверия, – разминая виски, ответил лекарь, – Люди герцога серьезно подошли к делу, и нам надо быть как можно дальше к утру.

– Объясните! – писклявым от страха голосом потребовал Эрнальд, – Что это было?

– Хорошо, – вздохнул лекарь, – с чего начать?

– С волка, – пискнул Эрнальд.

– Ладно, – неохотно согласился лекарь, – я, в некотором роде, могу устанавливать связь с живыми существами.

– То есть, как это?

– При определенном усилии я понимаю их, а они понимают меня. При условии, конечно, что они достаточно умны. А этот волк удивительно умен.

– И о чем вы... поговорили?

– Он посетовал, что люди в железе наводнили лес и мешают охотиться даже ночью, а я подсказал на время уйти южнее. Как бы там ни было, нам лучше не задерживаться.

– Но... – помедлил Эрнальд.

– Спрашивай, – устало улыбнулся лекарь.

– Куда все-таки мы направляемся?

– Что ж... – Тамаш снова потер виски, – в ранних архивных записях встречается много описаний того клинка из легенды. Его лезвие было сделано из черного стекловидного камня,

украшенного символами, похожими на наши. В королевстве похожие минералы не добывают и не продают, но в старых хрониках эпидемий есть упоминания о древних торговых путях и записи об украшениях из гладкого темного камня и серебра, которые носили торговцы из лесов Орман-Калик. Это натолкнуло меня на мысль, что корень этой легенды следует искать восточнее нашего королевства. Правда, к сожалению, восточнее начинаются земли даллов, а за ними леса орков, так что я на время оставил эту затею, а лет семь назад попал в замок Инверада по приглашению герцога ван дер Хайда – сюзерена Северного края. Герцог был весьма радушен и пригласил меня на ужин, куда пришли его дочь и жена.

Тамаш сделал паузу.

– Я редко заглядываюсь на наряды и не вижу в них особого смысла, но в тот вечер что-то в наряде герцогини меня зацепило. Я никак не мог понять, и весь вечер ее разглядывал, пока не заметил маленькую серебряную брошь с кусочком блестящего черного камня. Польщенная моим вниманием, герцогиня по секрету рассказала, что эту брошь ее муж купил у торговцев из Страны Закатов, – Тамаш прервался, чтобы глотнуть воды. – Я бываю в разных домах, и несколько раз до меня доходили неясные намеки и недомолвки о дорогих безделушках из-за гор, которыми знать любит похвастаться друг перед другом, поэтому я сделал вывод, что торговля вновь идет. Вот поэтому я и думаю, что начинать надо в Стране Закатов. А именно – с поисков торговцев, чтобы выяснить, откуда к ним попала эта брошь.

Эрнальд отстраненно молчал, и, казалось, вовсе не слушает.

– Прости, – смутился лекарь, – наверное, со стороны это кажется авантюрой.

Эрнальд очнулся и поднял взгляд:

– Но почему там? Не проще найти их, когда принесут товар сюда?

– Увы, нет, – развел руками Тамаш, – это удовольствие для избранных, а я – человек из другого мира. Мне не удалось ничего об этом выяснить.

– Да, – все также отстраненно ответил Эрнальд, – но почему вы думаете, что по ту сторону выяснить будет проще?

– Скорее всего, не будет, – Тамаш потер лицо узкими ладонями, – но здесь я исчерпал свои возможности и, значит, пришла пора двигаться дальше. Хотя ты всегда можешь вернуться, ты мне ничего не должен.

– Я, пожалуй, останусь, – хмыкнул Эрнальд, – у вас интересно и регулярно кормят.

– Ну что ж, – улыбнулся Тамаш, – у каждого свои основания.

Они наощупь отмерили мясо и немного сыра и быстро поели. Затем подхватили вещи и двинулись дальше в чащу.

Темнота плотным саваном окутала лес, приглушив ночные шорохи. Лекарь, несмотря на плохую видимость, на удивление ловко избегал опасных мест: цепких сучьев упавших стволов и неприметных низинок. Медленно, но уверенно они двигались на восток. Волков больше не было ни видно, ни слышно, и Эрнальду стало казаться, что эта встреча им привиделась в темноте.

Когда небо посветлело, они остановились на привал и после нескольких часов отдыха зашли дальше.

К обеду равнина окончательно сдалась и отступила перед напорающими взгорьями. Земля неуклонно лезла вверх, становясь все круче, а временами обрываясь крутыми оврагами и каменистыми трещинами. Изнуряющая дорога к разговорам не располагала, и Тамаш с Эрнальдом, изредка перебрасываясь несколькими словами, продолжали настойчиво пробираться вперед, заворачивая южнее вслед за расположением хребта. К закату они окончательно выбились из сил и после холодного скудного ужина повалились спать, не разводя огня.

Утром следующего дня все повторилось, только уклон стал круче. На привале, без интереса жуя кусок сыра, Тамаш заметил:

– Где-то здесь должен быть каньон с выходом в степи, – он подпер голову свободной рукой, – я только надеюсь, что мы не оставили его севернее...

Эрналд, также безучастно жуя, устало помотал головой.

– Надо было раньше сказать. Сберегли бы полтора дня пути.

Тамаш удивленно поднял глаза и вдруг хлопнул себя по лбу.

– Точно. Ведь ты же еще в Ключах говорил, что знаешь карты, – он сокрушенно покачал головой, – извини, я слишком привык полагаться на себя.

– Ладно... мне просто жалко, что мы потеряли время, – махнул рукой Эрналд, – надо взять южнее, упрямся как раз в каньон. Можно было идти напрямую, вместо того чтобы тащиться по этим буеракам.

Закончив перекус, они двинулись на юг. Идти стало легче, так как теперь они большей частью двигались вдоль земных складок, а не через них. К вечеру зарядил противный мелкий дождик, который напитал вещи влагой и заставил зябко кутаться в сырые плащи. Слишком уставшие, чтобы разводить огонь, они скудно поели и устроились под свисающими почти до земли густыми лапами старой ели.

Наутро дождь закончился, но низкое серое небо тяжело нависало над макушками деревьев, обещая пасмурный день. Решив, что ушли достаточно далеко, путники развели огонь и позволили себе согреться и перекусить, прежде чем вновь тронулись в путь.

Довольно скоро лес уперся в широкую каменистую пустошь, и упругая лесная земля сменилась мелкой щебенкой. Дальше поднималась скалистая стена, которая глубокой чашей выгибалась вглубь горы, а на изломе дуги, словно трещина в глиняном горшке, скалу рассекал узкий, крутой каньон.

Тамаш и Эрналд двинулись вперед и довольно скоро оказались в расщелине. Идти было неудобно, щебень под ногами разъезжался. Неровными грудками преграждали путь следы прошлых обвалов. Звуки шагов рождали и множили хрустящее эхо, а с ним – тревогу.

К вечеру облака разошлись, и Тамаш подобрал место для ночлега: небольшой ровный пятак под стеной, присыпанный почвой. Чуть поодаль валялся расщепленный ствол, который тоже, должно быть, упал сверху.

Они устроились отдохнуть, но сон не шел. И даже глубокая усталость никак не могла одолеть беспокойство, довлевшее над ними с самого утра. Вместо облегчающего отдыха сознание опутала вязкая, ненадежная дремота. Тамаш ворочался, безуспешно пытаясь устроиться на твердых камнях, и вдруг с тяжким стоном перевалился на спину и выгнулся, натянувшись, словно струна, а затем из этой вывернутой позы каким-то неживым, неестественным движением, как подтянутый за веревку, сел, запрокинув голову далеко назад. Ремешок, которым он собирал волосы, соскочил, и волнистая копна рассыпалась темной завесой, почти касаясь камней, руки безвольно свисали.

Эрналд застыл. Усталость как рукой сняло, а горло сдавила безотчетная паника.

Тамаш сидел, глядя в темное небо огромными, черными провалами глаз, и вдруг медленным, таким же неживым движением повернул голову в сторону степей и снова замер, слепо глядя пустыми глазницами на восток, а затем, не делая, казалось, даже вдохов, заговорил монотонным, леденящим кровь голосом:

*Зелень и медь в едином порыве;
Связаны. Спутаны. Вместе. Едины;
Призваны. Брошены. В тени сокрыты;
Неразделимы. Обиды забыты.*

...Словно порвалась удерживающая его веревка, Тамаш закатил глаза и тряпичной куклой бессильно упал на камни, а эхо, искажая и путая звуки, все повторяло непонятные слова.

Эрнальд сидел, боясь пошевелиться, но ничего не происходило. Лекарь безвольно распластался на камнях, едва видимый в тени стены. Эрнальд пересилил себя и придвинулся ближе. Но ничего не разобрал в темноте, и, собравшись с духом, откинул волосы с лица Тамаша. Оказалось, падая, тот зацепил виском острый камень, и теперь по щеке и волосам расплзлось теплое липкое пятно. Правая рука лекаря была вывернута и зажата под спиной, перчатка на левой руке тоже оказалась липкой и теплой на ощупь.

Эрнальд осторожно распрямил руки лекаря и достал из торбы пресловутое платье. Он оторвал один рукав, обвязал рану на голове, остальное свернул и подложил лекарю как подушку. Сам же устроился рядом, положив на колени лютню.

Последние облака унеслись на запад вслед уходящему солнцу, и узкий кусочек неба, зажатый темными стенами, вскоре изогнулся бархатной звездной завесой. Луна не торопилась, яркие летние созвездия густо усыпали небосвод. Эрнальд задумчиво разглядывал знакомые северные звезды и сам не заметил, как задремал.

Ночь уже царила в ущелье, когда Тамаш вдруг глубоко вздохнул и огляделся. Неуклюжая повязка съехала на лицо. Лекарь стянул ее на шею и в растерянности ощупал голову.

– Хвала богам! – протирая лицо, пробормотал Эрнальд.

– Что произошло? – Тамаш удивленно коснулся содранных костяшек.

Эрнальд едва открыл рот, как вдруг земля задрожала, и откуда-то из глубины послышался низкий, вибрирующий гул. Лекарь и юноша подскочили. Гул стремительно нарастал, приводя в движение весь каньон. Мелкие камни под ногами содрогались и подпрыгивали, издавая низкий рокот. Сверху посыпались комья. Совсем рядом с грохотом сорвался целый пласт вместе с деревьями. Рев нестерпимо нарастал, резонируя где-то в хребте, выворачивая внутренности и накрывая сознание тяжелым, животным ужасом. Вдруг от стены напротив откололся узкий вертикальный осколок и медленно начал заваливаться в сторону стоянки. Тамаш резко толкнул Эрнальда и сам бросился прочь. Камни под ногами разъехались, он упал на землю. Каменная глыба накренилась, на мгновение замерла и с грохотом рухнула на стоянку, затопив ущелье пылью и оглушительным громом.

И также внезапно тряска вдруг остановилась. Шурша, осыпались последние крошки и все смолкло.

Почти оглохнув и слепо шаря в густой пыли, Тамаш ощупал себя, желая убедиться, что он еще жив, и, тяжело прокашлявшись, хрипло позвал Эрнальда. С другой стороны завала послышался такой же хриплый кашель и неуверенный отклик юноши. Тамаш поднялся на ноги и едва удержался, со стоном ухватившись за ребра.

– Ты цел? – крикнул он в темноту.

– Кажется, да, – неуверенно ответил юноша.

Тамаш оглядел массивную каменную плиту, черным монолитом перегородившую дно каньона. Обломок лежал под уклоном, заметно поднимаясь в сторону стоянки и сходя на нет к основанию.

– Идти можешь? Пробирайся к другой стороне, там, вроде, пониже.

– Да... – послышались звуки шагов.

Кашляя и придерживаясь за плиту, Тамаш тоже направился к противоположной стене и вскоре разглядел растрепанного, но вполне целого Эрнальда, перелезающего через камни. Юноша суетливо оглядывался и нервно прижимал к груди лютню.

– Хвала богам! – Тамаш порывисто обнял парнишку, – у тебя все цело?

– Да. А вы? – ответил юноша, выворачиваясь из рук.

– Жить буду, – отмахнулся Тамаш, – давай отдохнем, а утром соберем, что уцелело и решим, что делать дальше.

Они кое-как устроились прямо на камнях и погрузились в сон. Невнятная тревога растаяла вместе с последними шорохами, и ничто их больше не беспокоило до рассвета.

Утром Тамаш с трудом поднялся: ушибленный бок налился свинцом и отдавал болью при каждом вдохе. Лекарь ощупал ребра через рубашку и, недовольно морщась, стал копаться в своей сумке, так и болтавшейся на шее со вчерашнего вечера. Изучив содержимое и выбросив пару мелких, остро пахнувших осколков, он вынул темную баночку, и натер ушиб пахнувшей травами мазью.

Оправив одежду и пригладив здоровой рукой волосы, он убрал пузырек в обратно сумку и заметил, что за ним наблюдает Эрнальд.

– Почему вы не используете дар? – спросил юноша.

– Это нужно далеко не всегда, к тому же на мне и так все быстро заживает, – пожал плечами Тамаш и принялся осматривать сильно изменившееся русло ущелья.

Огромный осколок, рухнувший ночью, застрял, не дойдя до земли чуть больше локтя, под ним лежали котелок и полная торба, которую Тамаш упаковал перед сном. Лекарь нагнулся пониже и попробовал дотянуться, но бок обожгло болью. Тогда Эрнальд, что-то прикинув, перебрался через завал и направился к упавшим деревьям.

Огромные ели от удара раскрошились в щепки и усыпали землю хвоей и рваными ветками. В этой мешанине Эрнальд выбрал палку подлиннее и вернулся к стоянке. Возле каменной щели он распластался и зашарил под плитой, пытаясь вытолкнуть или подцепить вещи. Первым выкатился изрядно помятый котелок. Эрнальд покрутился, обдираясь об острые камни, и после нескольких неудачных попыток подтянул к себе тяжелую торбу. Один из мехов для воды порвался, второй же виднелся в глубине и никак не поддавался, прижатый обломками. После долгих попыток выудить уцелевший мех Эрнальд отбросил палку и юркнул под камень.

– Остановись! – испуганно крикнул Тамаш.

Но Эрнальд уже исчез под нависающей махиной и через несколько мгновений задом выполз обратно, держа в руках тяжелый мех с водой.

– С ума сошел?!

– Не за что, – мрачно буркнул юноша, – не в котелке же воду нести.

– Это было слишком опасно!

Эрнальд только пожал плечами.

После короткого завтрака они засобирались в дорогу. Эрнальд взял сумку с провизией и воду, а Тамаш, отвязав болтавшийся на шее рукав, приспособил его к лютне и закинул инструмент на плечо, и они поспешили к выходу. Когда в створе ущелья показалась беспокойная зеленая гладь равнины, Эрнальд спросил:

– А что дальше?

– Если верить картам, там на выходе должна быть река – исток Великой Матери Степей, или как называют ее в хрониках – Мата-Дану. Здесь река только начинается, и я думаю, мы легко найдем переправу. А дальше пойдем предгорьями и будем молиться за то, чтобы даллы сюда не заглядывали.

– Господин Тамаш, – неожиданно серьезно произнес Эрнальд, – вы ведь знаете, что даллы делают со своими пленниками?

– Ну... – растерялся лекарь, – в хрониках об этом ничего нет, а в народе разное болтают. Думаю, здорово преувеличивают. Хотя я и не горю желанием проверить.

– Нет, – покачал головой юноша, – не преувеличивают. Да хранят нас боги.

Каменные стены, наконец, расступились, и перед глазами разлилось яркое травянистое море, плавными холмами уходящее за горизонт. Прозительно-синим куполом расстелился над ним небосвод, припорошенный мелкими кудрявыми облаками. А внизу, следуя за своими небесными братьями, по бескрайней равнине бежали их большие тени. Зеленое море неспокойно колыхалось и, гонимое ветром, переливалось, словно настоящая водная гладь. Слева высился горный массив, круто выставивший невысокое каменное плечо на восток. Справа горы

постепенно скруглялись и уходили покатою лесистой грядой на юг, а прямо перед ними, клочка и, бушуя, неслась мутная, вздувшаяся река.

Глава 5

Ягори – Вигмар, переход

Ягори и Вигмар залегли у края плато. Возвышенность, которая плоским каменным горбом поднималась среди равнин и редколесья, была расколота длинным озером. Зажатый в каменной трещине водоем узкой кишкой тянулся сквозь плоскогорье, уходя вниз на невероятную глубину. Но в одном месте плато отступало от воды. Там к озеру узкой полоской примыкала равнина. И на самом стыке каменная стена, потревоженная давним землетрясением, треснула, и из нее выщербился длинный вертикальный осколок. Осколок этот не рассыпался, а упал единым куском, высвободив просторный, но в тоже время укромный грот в сплошной скальной стене.

Вигмар давно присмотрел это место и использовал для перевалки товара. Среди камней обычно была припрятана лодка, но сейчас суденышко притопили, чтобы непрошеные гости не смогли его обнаружить.

Со своего места Вигмар хорошо видел, что на мысе у грота расслабленно переговариваются трое в темных одеждах. Неизвестные пришли сразу после рассвета, обшарили пятак и затаились в тени скалы, надеясь застать врасплох того, кто пожалует следом. Но время шло, солнце поднималось, никто не приходил, и трое убийц расслабились: сначала они расселись поудобнее, потом один развязал походную котомку и стал угощать остальных чем-то съестным.

Ягори подождала, пока незнакомцы окончательно расслабятся, и тоненько, по-птичьи свистнула. С другой стороны озера откликнулись. Спустя пару минут от равнины к пятаку метнулся желтый язык пламени, быстро разгораясь и отрезая единственный выход. Трое на мысе засуетились. Но неестественный жар давил их к воде. Вигмар, довольный, наблюдал сверху. Явившись незадолго до незваных гостей, они с Ягори облили камни горячей смесью, и оставалось лишь подождать удобного момента, чтобы особый, не гаснущий на ветру и не нуждающийся в пище состав вспыхнул и вытеснил несостоявшихся убийц с маленького пятка.

Один за другим они спрыгнули в воду, и пламя быстро охватило узкий мыс. Сначала ничего не происходило – три темные фигуры уверенно плыли в сторону противоположного берега, где их встречал другой отряд, невесть откуда набежавший на каменный уступ, но потом сквозь клоки дыма Ягори разглядела густые тени в синей глубине озера. Тени быстро кружили под плывущими людьми и становились все отчетливее. С берега что-то кричали, но плывшие их не слышали.

Потом медленно, как во сне, перед одним из плывущих поднялась черная рыба морда размером с лошадиную голову и ощерила широкую пасть с острыми клиньями зубов. Пловец зашелся криком и попытался увернуться. Тварь хлопнула пастью, но промахнулась, и вместо головы сграбастала руку. Послышался вопль, в воде, быстро разрастаясь, разлилось густое красное облако. Рыбина снова раскрыла пасть и судорожно поддернула человека поглубже в глотку. Третьим укусом тварь перехватила его поперек туловища и нырнула на глубину. Узкий черный хвост расчертил воду и исчез.

Двое оставшихся в панике загребли к берегу. Вокруг них то и дело всплывали черные спины. Огромные рыбыны, словно играя, толкали их круглыми боками. Одна из тварей ухватила за ноги того, что был ближе к берегу, и дернула на глубину, отпустив через пару мгновений. Мужчина всплыл в густом красном пятне и попытался грести дальше, руки его дергались, голова запрокинулась, движения потеряли стройность. Черные тени плотно окружили его, прижали мощными боками и утянули в непроглядную глубину.

Последнему пловцу удалось добраться до круглых камней, откуда ему уже тянули длинное древко и что-то кричали товарищи. И когда уже казалось, что он вот-то схватится за спаси-

тельное копьё, из глубины, прямо под лицами спасающих вынырнула темная тварь. Огромные челюсти ухватили мужчину за пояс, и рыбина без брызг ушла на глубину, утаскивая добычу.

Люди застыли.

Сизый вонючий дым далеко разносился над спокойными водами озера, только быстро бледнеющие розовые пятна напоминали о разыгравшейся драме.

Вигмар улыбнулся и потер подбородок – место выбрано верно, а невольные зрители разнесут историю по всему городу. Это надолго отобьёт у жадных преступных верховодов желание влезть в его дела.

Когда он перед отъездом заглянул в Пин-Мин, один из трущобных главарей, которому Вигмар платил немаленькие деньги за сведения и возможность вести дела, сообщил, что неизвестная женщина появилась в трущобах и наняла в сопровождение четверых мужчин. Платила золотом. Из тех, кто предложил свои услуги, выбрала самых отъявленных, и исчезла вместе с ними. Позже в порту выловили трупы этих четверых. Пятерых носильщиков Вигмара действительно нашли зарезанными на выходе из города, без груза. В трущобах запретили болтать об этом, но мелкие отбросы после небольшой беседы признались, что та же женщина заплатила им, чтобы они разнесли слухи о произошедшем.

Брат с сестрой молча поднялись из укрытия и, не таясь направились прочь. Чуть дальше, где плато начинало подниматься к горам, их ждали две невысокие коренастые лошади. Животных Вигмар лично отбирал по всему краю, обучал, а после оставлял под надзором конюха, который не только следил за небольшим табуном, но и был доверенным лицом для разного рода сомнительных поручений, как, например, вовремя подкинутый уголек.

Лошади хорошо знали местность и были приучены к опасным горным дорогам, они смиренно возили тяжелые грузы и легко обходились скудной горной растительностью, не нуждаясь в дополнительном провианте. Когда кручи становились непригодными для лошадиных копыт, их расседывали и спокойно отпускали: умные животные самостоятельно находили дорогу домой.

Вигмар и Ягори привычно запрыгнули в седла, поправили дорожные сумки и неспешным шагом двинулись в сторону гор.

Дорога была спокойной; каменистое плато равномерно поднималось, и вскоре возвышенность начала собираться складками, которые с приближением каменного массива Хребта все выше выпирали из земли и заставляли путников все больше петлять. Дорóгой им попадались заготовленные Вигмаром стоянки с запасом хвороста и укромными, сухими местами для ночлега. После каждой стоянки они пополняли запасы и старательно убирали все следы присутствия.

Вигмар, привычный к долгим горным переходам, чувствовал себя уверенно и, предоставив покладистой лошадке самостоятельно следовать знакомым маршрутом, увлеченно крутил в руках деревянные брусочки головоломки, беззаботно насвистывая и изредка сверяясь с направлением. Ягори же, собранная и напряженная, следовала чуть позади и неодобрительно косилась на брата.

Через три дня лошадей пришлось отпустить, а Ягори с Вигмаром, закинув на плечи мешки, направились дальше пешком. К концу четвертого дня, перевалив через лысый гребень, они спустились к укромному озеру, густо обросшему мелким кустарником и редкими, низкорослыми соснами. Желтое послеполуденное солнце искрилось мелкой рябью на поверхности воды, между камнями жесткими пучками пробивалась буро-зеленая, низенькая травка. Вигмар скомандовал остановку. Они побросали мешки и направились вдоль берега, подбирая упавшие сухие ветки и хворост.

Набрав достаточный запас, Вигмар свалил все в кучу возле воды, скинул одежду и с разбегу окунулся в озеро, подняв тучу брызг. Вынырнув ближе к середине, он приглашающе замал руками:

– Хватит сидеть, искупайся! – он снова ушел под воду и появился у берега, довольно фыркая и брызгая на сестру холодной водой.

– Спасибо, не хочу, чтобы мной кто-то пообедал, – уворачиваясь, ответила Ягори.

– Не бойся, единственное, что здесь водится – это наш с тобой ужин, – и он с размахом чиркнул по воде, отправив в сторону сестры густой фонтан брызг. – Улыбнись, Ягори! Ты всегда такая мрачная, – и он развернулся и глубоко нырнул, сверкнув ягодицами.

Ягори с завистью посмотрела на брата: самоуверенный, дерзкий, местами нахальный – рядом с ним она казалась себе невидимкой, и он, в отличие от нее, мог обаять любого, а там, где не получалось уговорить, беззастенчиво убеждал силой. В те редкие моменты, когда они показывались где-то вдвоем, тихая Ягори, очень похожая на него лицом, казалась младшим братишкой-подростком, усиливая заблуждение коротко стриженными волосами и невзрачной одеждой.

Когда Вигмар закончил и ушел ловить рыбу, она быстро разделась и окунулась в освежающе холодную воду. Наскоро смыв с себя дорожную пыль, вернулась на берег и поспешно оделась. Через некоторое время явился Вигмар с двумя крупными рыбинами, которые успел почистить и нанизать на прочные палочки. И пока рыба ароматно шкворчала над огнем, каждый тихонько молчал о чем-то своем.

– Помнишь, – задумчиво спросил Вигмар, – как мы ходили на рыбалку?

Ягори обхватила колени и молча кивнула.

– Я подсекал, а ты вытягивала, – не отрывая глаз от бордово-серых углей, продолжил Вигмар.

– А еще ты насаживал мне червей, потому что я боялась, – глядя в огонь добавила Ягори.

– Иди-ка сюда, сестренка, – он ласково протянул руку, и Ягори с удовольствием привалилась к теплому боку, все так же сжимая колени, – как-то мы забыли, что много лет назад пообещали заботиться друг о друге.

Ягори укоризненно глянула снизу вверх.

– Ну... – смутился он, – Я забыл, прости. Может, эту заварушку нам послали боги, чтобы напомнить об обещании, а? – Вигмар заговорщицки улыбнулся и прижал сестру покрепче.

– Ты же не веришь в богов, – напомнила она.

– Ну да, но им на это плевать, – он пожал плечами.

– Жаль, что я не такая как ты, – Ягори грустно вздохнула и перевернула рыбу.

– Эй, выше нос! Двое таких, как я, давно бы спились и проигрались, – он потряс ее за плечи и серьезно добавил, – ты не смотри, что я ругаюсь, мне бы без тебя худо пришлось, – и он ласково поцеловал ее в макушку.

Ягори ткнулась в теплый бок и хлюпнула носом. Вигмар ласково погладил ее по коротким волосам и успокаивающе проговорил:

– Ну, будет тебе, не кисни, я тоже скучал по нашим разговорам.

– Видела я, как ты скучал, – сквозь слезы улыбнулась Ягори, и Вигмар неожиданно смутился, припомнив встречу у мадам Фурен.

– Эм... ну, ты же знаешь... женщины, – он неуклюже развел руками, – не могу устоять перед их глупостью.

Ягори хмыкнула и протянула рыбу:

– Лучше ешь, пока еще чего не ляпнул.

– Как скажешь, – и Вигмар не заставил просить дважды.

Они с удовольствием поели и наутро, тщательно убрав берег, двинулись в путь.

Тропа все выше забиралась в горы, деревья почти пропали, а ночами изо рта шел пар, и, если бы не заготовленные заранее стоянки и теплые шерстяные плащи, им пришлось бы куда тяжелее. Каждый день все ближе чувствовалось холодное дыхание снежных вершин, заставлявшее даже солнечным днем поглубже натягивать шапки и запахивать плащи. Временами их накрывали низкие облака, и тогда руки застывали от влажного, пробирающего до костей, холода. Дичь осталась далеко внизу, если по ходу не удавалось наловить рыбы, то скудные перекусы ограничивались куском солонины и черствым хлебом.

В дороге они все больше молчали, экономя силы и сберегая дыхание, ночами же после того, как пополняли стояночные запасы, оба мгновенно засыпали, не возвращаясь больше к задушевным беседам. Обоим было не по себе от возникшей вдруг семейной теплоты, которая за долгие годы лишений, казалось, навсегда покинула их, превратив ласковых детей в хищных маленьких зверьков, способных выжить среди акул.

Отчаянные, голодные и злые, брат с сестрой ворвались в криминальный мир Бай-Чонга семь лет назад и быстро отвоевали себе место, заставив потесниться весьма несговорчивых воротил преступных синдикатов. Они, не стесняясь в средствах, заявили о правах на долю в огромном воровском пироге Белого Города и, не считаясь ни с моралью, ни с чьими-то законами, буквально прорубили дорогу к верхушке преступного мира, а любые попытки усомниться в их праве на ведение дел пресекали очень решительно. В конце концов местное сообщество вынуждено было смириться с задиристыми новичками, а откровенная война сменилась напряженным сосуществованием и попытками прилично подобрать под себя выгодное почтовое предприятие. Поэтому недоброжелателей у предприимчивых брата с сестрой всегда было в избытке, и оставалось только гадать, кто же из них оказался достаточно смел.

Дорога, хоть и поднималась вверх, непрестанно перекидывалась через каменные морщины и борозды, сбегавшие от снежных шапок и сильно затруднявшие продвижение. Перебравшись через очередной скалистый хребет, Ягори и Вигмар вдруг замерли перед открывшейся панорамой: прямо под ними, резко уходя вниз, начиналась узкая продолговатая долина, которая плавно огибала складчатый лысый откос и скрывалась за массивным телом горы. Дно долины заросло деревьями и кустарником, а прямо под ногами брал начало говорливый прозрачный ручей, который скоро терялся в темной листве растений. Ветром доносило приятный запах хвои, а над темнеющей долиной золотились в закатном свете снеговые шапки.

– Ну вот, самое трудное позади, – бодро заявил Вигмар.

– Столько лет... – задумчиво отозвалась Ягори, – я надеялась, что больше никогда не окажусь здесь.

– Пойдем, – Вигмар как ни в чем не бывало хлопнул ее по плечу и заспешил вниз, – нас ждет прекрасный ужин!

Уже в темноте, плотно набив животы свежей крольчатинной, они с удобством расположились на мягком лапнике, намереваясь как следует выспаться, но с непривычки, после долгих ночей на твердых продуваемых ветрами камнях, Ягори никак не удавалось заснуть. Она то и дело тревожно подскакивала, чтобы проверить оружие или прощупать содержимое поясной сумки, в которую сложила ценности, а когда вновь засыпала, то ощущала сквозь зыбкую пелену чье-то навязчивое присутствие, хотя ночь оставалась спокойной.

До рассвета ей снились недавние события, произошедшие с ними в Бай-Чонге, но все было как будто наизнанку: то она нанимала неизвестную женщину, чтобы та отнесла ценности в горы, то, наоборот, эта странная женщина велела ей ограбить Мей-Гу и продать его ценности оркам; потом они вместе с Вигмаром гоняли по трущобам наемников Мей-Гу, а женщина хохотала, паря над убогими крышами и подгоняя их выше в горы, пока они вдруг не оказывались на перевале, стоя перед разверстым жерлом пещеры, от которого веяло почти осязаемой могильной жутью, а женщина, укрытая тканями, вдруг разрослась до невиданных размеров, закрыв собой вход и обжигая яростным взглядом пустых, ослепительно белых глазниц.

На рассвете Ягори окончательно проснулась, уставшая и разбитая. Все тело чесалось от острых иголок, набившихся в одежду, пока она крутилась. С усилием растерев лицо, она встала и подошла к ручью, чтобы умыться и попить воды, но в отражении вдруг заметила закутанную в ткани фигуру, мелькнувшую не то в облаках, не то на снежных склонах. Ягори вздрогнула, и горячая волна разлилась из груди, зашипав кончики пальцев. Девушка отчаянно проморгалась, и снова вгляделась в отражение, а заодно внимательно оглядела склоны вокруг, но ничего не увидела и решила, что во всем виноваты ночные кошмары и неприятные детские воспоминания.

Когда солнце, наконец, показалось из-за горных вершин и добралось до укромной ложины, проснулся Вигмар, свежий и отдохнувший. Он сладко потянулся и отправился к ручью приводить себя в порядок. После быстрого перекуса они отправились в дорогу.

Идти по мягкой земле было одно удовольствие. Ручеек неотступно следовал рядом с ними, весело журча среди яркой зелени. В густой листве пересвистывались неизвестные Ягори птицы, а доверчивые кролики то и дело выскакивали прямо из-под ног.

К обеду они остановились на привал, и Ягори достала солонину и хлеб, на что Вигмар, скривившись, заметил:

- Странный выбор, когда кролики сами в суп просятся.
- Мне беспокойно, Вигмар. Давай скорее перекусим и пойдем подальше отсюда.
- Не вижу причин для беспокойства, – заметил Вигмар.
- Я тоже, но мне тревожно, — ответила Ягори и протянула ему кусок мяса.

Быстро перекусив, они двинулись дальше. За поворотом долина плавно перетекала через небольшой каменистый гребень и, заворачивая уже в другую сторону, огибала следующую гору, а дальше следующую и следующую, извиваясь узкой зеленой змейкой в бескрайнем каменном ложе. Местами пушистый зеленый ковер был засыпан огромными каменными горами, оставшимися от обвалов, и им приходилось карабкаться по шатким валунам, рискуя сорваться вниз в лавине щебня и пыли. Ручеек стал их верным спутником и все время весело журчал где-то неподалеку, временами ныряя под обвалы и появляясь с другой стороны.

К вечеру они остановились в темном ельнике и стали обустраивать ночлег. Кролики куда-то пропали, поэтому пришлось довольствоваться жестким мясом из дорожных запасов.

За ужином Вигмар сказал:

- Если не будет приключений, завтра к обеду выйдем с перевала. У тебя есть план?
- Думаю, да. Проход к оркам все еще в ходу?
- Да, я часто им пользуюсь, – ответил Вигмар.
- Отлично. Заночуем здесь, а утром свернем на север. У меня есть кое-что что ценное для орков, – она задумчиво погладила поясную сумку, – поменяем на украшения. Сможем больше выручить у людей.
- Но тогда мы пропустим летний карнавал в крепости, – возразил Вигмар.
- Это не единственное место, где можно продать товар, – пожалала плечами Ягори.
- Я не согласен, это лучшее место, чтобы выручить хорошие деньги. Именно под него я планировал нашу последнюю отправку. Меня там ждут.
- У меня был припрятан серебряный слиток. Сам знаешь, как орки ценят чистый металл. И в любом случае, золотом платят люди, а не орки. А нам с тобой нужно золото.
- Возможно, – неохотно согласился Вигмар и надолго замолчал. – Ладно. Я что-то придумаю.

Они еще немного посидели, допивая ароматный чай, и стали укладываться. Вдруг земля как будто тихонько вздрогнула, и с ближнего склона, сухо шурша, осыпалась каменная крошка. Ягори встревоженно посмотрела на брата.

- Не нравится мне это, – обеспокоенно заметил Вигмар.
- Земля снова качнулась, вызывая приступ головокружения.

– Собирай вещи, – скомандовал Вигмар, – на открытое место, быстро!

Едва они выбежали из-под деревьев, как земля затряслась сильнее, отдаваясь в ногах мелкой дрожью, а со всех сторон, многократно отражаясь от склонов, навалился низкий, протяжный гул, давя чудовищным напряжением на уши. Гул нарастал, пульсируя в такт с парализующей подземной дрожью, и вдруг, будто лопнула перетянутая чьей-то рукой струна, из недр донесся страшный удар, содргнувший само тело гор, а темную падь позади них расколол оглушительный треск. Все потонуло в грохоте. Казалось, вся долина пришла в движение: камни плясали, грозя переломать ноги, деревья тряслись и раскачивались, а валуны, летевшие со склонов, в щепки разбивали вековые стволы.

Вигмар и Ягори, по чистой случайности не попавшие под крупные обломки, пытались удержаться на ногах. Мелкие камни больно впивались в неприкрытые доспехом ноги и лицо, оставляя прорехи на одежде и глубокие царапины на теле. Ягори размазала по виску и подбородку густую темную кровь вперемешку с каменной пылью. Вдруг прямо перед ней, словно пушечное ядро, тяжелый камень со всего размаха впечатался в плоский валун и брызнул во все стороны смертоносным градом острых осколков. Девушка страшно вскрикнула и потеряла сознание.

Вдруг безумная пляска прекратилась, словно ее и не было. Земля под ногами больше не качалась, лишь изредка подрагивая и стряхивая напряжение. С высоких склонов продолжали срываться одинокие камни, со свистом улетая в густую пыльную завесу, позади утихал грохот обвала. Через несколько минут все успокоилось, и только плотная каменная пыль продолжала висеть в воздухе, забивая нос и легкие.

Вигмар уложил сестру и нагнулся, чтобы проверить дыхание. Он опустился к самому лицу, густо залитому кровью, и с облегчением ощутил слабый выдох. Он набрал воды из ручья и аккуратно смыл пуль и кровь. Затем набрал веток и сложил костерок. И когда пламя достигло разгорелось, разглядел, наконец, что все лицо Ягори иссечено глубокими сочащимися ссадинами. Вигмар, еще раз промыл раны, прикрыл порезы куском чистой сухой ткани, которую нашел в мешке, и устроил голову Ягори у себя на коленях.

Через некоторое время девушка застонала и слепо зашарила руками перед собой, пытаясь убрать с лица ткань, но брат мягко удержал ее руки и тихо сказал:

– Тише, не волнуйся. Я здесь.

– Вигмар, – дрожащим голосом произнесла Ягори, – что случилось? Я... я ничего не вижу.

Он уверенно произнес, скрывая волнение:

– На вид все не так плохо. Как твои глаза?

– Убери с лица, мне нечем дышать, – отрывисто произнесла девушка.

– Хорошо, только не трогай. Пусть подсохнет.

Вигмар бережно поднял материю и облегченно выдохнул – на него смотрели два взволнованных, темно-карих глаза. Да, лицо пострадало, но глаза были целы.

– Все хорошо, Ягори, хотя тебя порядком задело. Встать сможешь?

Ягори перевернулась на бок и, опираясь на руку, с трудом села.

– Все плывет, – часто моргая, сказала она.

– Идти сможешь? Надо поскорее убираться с гор: теперь ото всюду тролли ползут.

– Да, – хмыкнула Ягори, – после такой тряски каменные бошки, все как один, отправятся закусить.

Вигмар подал ей руку и, взвалив на плечи оба мешка и оружие, обхватил девушку за талию. Они медленно поплелись по искореженной долине, с трудом перелезая через шаткие насыпи и обходя груды обломков.

Новых толчков не последовало, лишь изредка земля неспешно покачивалась под ногами, отпуская недавнее напряжение и стряхивая оставшиеся на склонах камни. В такие моменты

Вигмар и Ягори замирали, стараясь держаться середины долины, и пережидали камнепады. Несколько раз им приходилось возвращаться назад, спасаясь от широких каменных оползней, а затем карабкаться на осыпающиеся отвалы. Ближе к обеду Вигмар устроил привал.

Ягори снова снилась странная женщина, на этот раз закутанная фигура взволнованно куда-то звала их, а затем вдруг Ягори увидела себя в роскошном зале, танцующей с красивой высокой девушкой, а потом сон пропал, и ему на смену пришло тревожное забытие. Когда солнце наполовину скрылось за ближайшей вершиной, непонятный скрежет из оставшейся позади долины разорвал их некрепкий сон, и брат с сестрой, устало протирая глаза, беспокойно переглянулись. Вигмар молча подхватил сумки, и они поспешили вперед, стараясь издавать как можно меньше шума.

Уже в сумерках они дошли до развилки, к которой собирались выйти еще утром: по левой стороне горы вдруг расступались и открыли узкий вход в высокое ущелье. Сразу за входом высилась каменная насыпь. Ягори остановилась, охваченная странным предчувствием: от тесной каменной кишки веяло жутью, а мрачный вход напомнил пещеру из ее недавнего кошмара. Она потянула брата за рукав:

– погоди. Не стоит туда идти.

– Перестань, – отмахнулся Вигмар, – ты же сама решила. И надо скорее убираться из долины.

Подтверждая его слова, далеко за спиной вновь раздался скрежет. Вигмар уверенно направился в сторону разлома, но не успел он сделать и десяти шагов, как тени вдруг пришли в движение. Насыпь задрожала и начала расти. С растущего покато бугра покатались осколки горной породы. Меньше чем за минуту насыпь расползлась и полностью перекрыла вход в ущелье. Вигмар с Ягори оцепенели и заворуженно наблюдали. А бугор все поднимается. Внезапно из его середины вылетела огромная, серая, древоподобная колонна и с треском обрушилась на землю. За первой колонной взметнулась вторая, и из середины насыпи, опираясь на корявые столбы и медленно стряхивая осколки, показалась уродливая шишковатая голова размером с дорожный фургон. Серая, покрытая наростами, с маленьким покатым лбом и массивной выпирающей челюстью, голова неспеша покачалась из стороны в сторону и, увидев застывшие неподалеку фигурки, вперила в них крохотные, злобные глазки. На секунду все замерло, вдруг голова распахнула огромную пасть и издала оглушительный низкий рев.

– Быстрее! – очнувшись, крикнул Вигмар, – Надо успеть в туннель!

Они развернулись и, не замечая боли и ушибов, со всех ног побежали к спасительному укрытию. За спиной у них обманчиво медленно и неповоротливо просыпался голодный каменный тролль, рыча и расшвыривая свою каменную постель.

Глава 6

Ксатра, землетрясение

Темнеющая степь торопливо укрывалась беспокойными тенями и наполнялась шелестом и шепотками ночных созданий. Разогретая за день земля щедро отдавала дневной жар, наполняя воздух пряным чабрецом и едва уловимым запахом стад. Ветерок доносил аромат костра и манил обещанием скорой прохлады.

Ксатра ехала верхом, уверенно сжимая конские бока. Долгожданная ночная вылазка опьяняла и наполняла мысли опасной лихостью. Это был ее первый ночной объезд – ее и второго новичка. Они проедут спокойными ближними границами вверх по реке, обогнут одну из петель Мата-Дану, поднимутся до предгорий и спокойно вернутся обратно. Баивар и Раука – старшие в отряде – ехали чуть впереди и для порядка порой шикали на юнцов.

Столько раз Ксатра представляла себя на этом месте: ловкой наездницей, отважной и грозной. Засыпая, она грезилась, как мчится по ночным степям и чутко находит хитроумных разведчиков, в одиночку спасает целый отряд. Ах, как ее потом восхваляют! Ей дают свой отряд, а иногда ставят во главе сразу нескольких, или, быть может, даже приглашают на совет к ардару, и она, почтено опустив глаза, дает мудрые советы, а прежние обидчики с уважением внимают ее словам. И вот теперь дурманящий запах нагретой степи и шумное дыхание разогреченной лошади настойчиво обещали, что все мечты готовы сбыться.

Мать Степей уверенно несла тяжелые воды, отблескивая в глубоком ложе из холмов по правую руку от их небольшого отряда. Впереди неровной грядой нависали громады Предельного Хребта. Несмотря на то, что путь для новичков был выбран спокойный, двое старших внимательно осматривали степь, держа луки наготове и направляя смысленных лошадок коленями. Ксатра тоже старательно вглядывалась в шелестящие просторы, но вечеряющая степь казалась спокойной и безмятежной. Слева покатым лбом вырос крутой холм, и Мата-Дану сделала поворот, заворачиваясь одной из многочисленных петель, изрезавших западные степи.

Лошади легкой рысью уверенно шли вперед. И вот уже холмы остались позади, и Мата-Дану, сделав последний поворот, раздалась вширь и обратилась на восток. Слева, у самого горизонта, в сплошной горной гряде щербатой зазубриной просвечивал тесный вход в Змеиный перевал, подсвеченный вечерним багрянцем, а прямо простиралась травяная равнина, покато поднимаясь к далеким лесам Орман-Калик – стране лесных орков, беспокойных и непримиримых соседей даллов.

Ночь неумолимо наступала, захватывая небосвод и загоня на острые зубья вершин последние отблески заката. Ксатра напряженно всматривалась в темную равнину. Вдруг среди убаюкивающих шорохов тихонько протяжно скрипнуло, и в тот же миг что-то злое с жужжанием пронеслось у нее возле уха и глухо стукнулось в спину Баивара, едва не сбив того с лошади.

Ксатра лихорадочно огляделась: степь оставалась пустой. Баивар, не обращая внимания на черное древко, торчащее под лопаткой, выхватил меч и развернул лошадь, обходя направление, откуда прилетела стрела. Раука, вскинув лук, обводил горизонт. С другой стороны Казар, сосредоточенный и напряженный, осматривал свою половину степи. Ксатра устыдилась своей растерянности и поспешно подняла лук, прикрывая Баивара. Вдруг снова послышалось тихое поскрипывание, и Раука с Казаром одновременно спустили тетивы, целясь на слух. В траве глухо охнуло, и на фоне угасающего багрянца поднялась высокая фигура. Ксатра едва успела заметить две стрелы, глубоко засевшие в высоком корпусе, а фигура уже молниеносно выстрелила и хищно скользнула в травы. Охнул Раука, но Казар оказался быстрее и всадил в ускользящую тень еще две стрелы. Секунда, и травы сомкнулись, степь снова безмятежно дышала дневным теплом.

Даллы рассыпались широкой цепью. Баивар прижимал к груди правую руку: впереди под ключицей торчал узкий граненый наконечник, пробивший навывлет легкую кольчугу. В левой руке далл держал короткий меч и аккуратно правил лошадь к месту, где упал орк. Казар по-прежнему держал стрелу на тетиве и внимательно оглядывал степь со стороны перевала. Раука, коротко обломив засевшую в левом боку стрелу, объезжал по дуге высокий холм, который они оставили позади. Ксатра поняла, что это был шанс, о котором она так мечтала, и она уже его упустила. Она с досадой сплюнула и отчаянно вгляделась в сторону реки, надеясь, что остальные не заметили ее замешательства. Вдруг недалеко поднялась ночная птица, она судорожно спустила стрелу, но птица исчезла в травах, не потревожив их беспокойное море. Баивар нахмурился и резко мотнул головой, взглядом отправляя ее проверить ближе к реке. В здоровой руке он крепко сжимал акинак – тяжелый прямой меч приграничных даллов – и уже разворачивал лошадь в сторону девушки.

Ксатра поняла, что окончательно потеряла доверие старших, но упрямо продолжала всматриваться в беспокойные травы. Вдруг прямо перед ней поднялась еще одна тень, замахнулась, сверкнуло узкое лезвие, и Ксатра со всей силы пнула ее в голову, надеясь, что попала в лицо. Топор свистнул впустую, а тень проворно исчезла в траве. Девушка резко развернула лошадь, отточенным движением закинула лук в тул на бедре и перехватила свой короткий акинак. К ней уже спешил Баивар; Казар и Раука с поднятыми луками прикрывали их с расстояния.

Вдруг лошадь под ней всхрапнула и подалась в сторону. Ксатра проворно перекатилась через седло и соскочила на землю, прикрываясь лошадиным крупом. Из травы снова поднялась высокая тень. Малиновой искрой сверкнул хищный, длинный топор, поймав заходящий луч солнца. Сомнений не осталось. Тень замахнулась, целясь в лицо, и девушка глубоко прогнулась, пропустив узкое лезвие над собой. Не останавливая движения, тонкий длинный топор сделал оборот и нацелился Ксатре в живот, но она увернулась, поднырнула и ухитрилась достать ногу врага, за что сразу же поплатилась, получив острым обухом в плечо. Левая рука повисла плетью, а тень уже развернулась, и тонкий топор несся ей в голову. Ксатра лихорадочно вскинула меч и с хрустом приняла удар на перекрестье. Тень в ответ лишь небрежно крутанула запястье, и акинак рвануло из рук. Орк мимоходом отбросил железку и замахнулся, целясь под ребра. Ксатра попятилась и выхватила короткий кинжал, но вдруг перед ней пронесся лошадиный круп и с размаху сшиб орка на землю. Подскочил Казар, поспешно прыгнул и сильным ударом оглушил поднимающуюся тень.

Орка быстро скрутили, перекинули поперек лошади и отвезли к подножию большого холма, под старый вяз. Старшие воины отправились проверять окрестности, а Ксатра с Казаром остались сторожить пленного. Они накрепко обвязали ему руки, подтянули к высокому суку, а ноги плотно прикрутили в обхват ствола.

Солнце давно погасло, а до восхода луны оставалась еще пара часов, и звезды безраздельно царили над бескрайней равниной, наполняя высокий купол неверным холодным светом.

Орк все еще был без сознания, голова его низко свисала на грудь, закрывая лицо копной разномастных косичек и не давая как следует разглядеть добычу. Ксатра с досадой напрягала зрение, но не видела ничего, кроме вытянутого темного силуэта.

Орк тяжело вздохнул и подавился кашлем. В его правом боку между ребрами торчал обломок стрелы: той самой, что Ксатра выпустила вслепую, услышав ночную птицу. По странной прихоти богов, стрела попала в цель – перебила тетиву второго орочьего лука и вошла между пластинами доспеха, плотно застряв в теле. Не будь этой стрелы, он, вероятно, перестрелял бы их по одному, укрываясь в высокой траве, но боги решили иначе.

Пленный шумно вздохнул, сплюнул кровью и с силой замотал головой, разгоняя дурман. Бусины в косичках сухо перестукнулись. Днем, когда Ксатра смазывала стрелы соком аканиса,

сверстники вдоволь поязвили над ней, но завтра никто не будет потешаться. Одурманенный ядом ее стрелы орк позволил взять себя в плен, и завтра в их честь устроят большой праздник и воздадут должное богам за благосклонность. Клыкастый череп займет свое место среди трофеев. Ксатра уже предвкушала момент триумфа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.